

Ирина КОСОПАЛОВА

г. Архангельск

Глава первая

Я почувствовала на себе внимательный взгляд. Словно на меня был направлен объектив фотоаппарата или бесстрастный зрачок телекамеры. От этого стало неловко и слегка тревожно на душе. Я невольно одернула свитер и поправила волосы.

Хотя зачем волноваться? Веду себе экскурсию, как обычно. Экскурсанты, не улыбочивые и слегка чопорные прибалты, изучали кто что. Иные рассматривали экспонаты, иные косились на мою далеко не новую юбку и недорогой немаркий свитерок. Всегда стесняюсь своего непрезентабельного вида, когда приходится вести экскурсии.

Слушали они меня с вежливым вниманием. Одобрительно кивали. Вставляли в мой неспешный монолог вопросы:

- Когда это сделано?
- А какая самая старая икона?

Отойдя от экспонатов на почтительное расстояние, любезно удивлялись:

- Надо же, XIV век.
- А как чудесно сохранилась!

Я хранитель фонда древнерусского искусства. Водить время от времени группы экскурсантов — одна из моих обязанностей. Не очень-то мне это нравится. Туристы, как правило, забегают к нам в музей изобразительных искусств отметить между посещением магазинов и ужином в ресторане. Восхищает их разве что почтенный возраст экспонатов. Надо же, разрисованная доска, ничего особенного, а сохранилась бог знает с каких времен!

В отделе русского искусства позапрошлого века они почтительно оглядывают полотна признанных мастеров. И тоже восхищаются. Надо же, провинциальный музей, а есть у нас и Рококов, и Брюллов, и Серов!

Старшеклассники, которых приводят в музей классами, выясняют на фоне Спаса Нерукотворного и Георгия Победоносца любовно-дружеские отношения. Ужасно меня раздражают их шепоток, перемигивания, хихиканье. Хорошо еще, что в нашем зале древнерусского искусства, где выставлены иконы, церковная утварь да лицевое шитье, не бывает совсем уж несмышленной

роман

публики. Но все равно редко-редко поймашь просветленный взгляд, обращенный на старинную икону или пелену.

И вдруг я поняла, чей настойчивый интерес не давал мне покоя. Высокий широкоплечий мужчина стоял немного поодаль. Он смотрел даже не на меня, а словно сквозь меня, куда-то в пространство. Как будто это пространство не было ограничено стеной со стеклянной витриной, у которой я стояла, а уходило вглубь и вширь. Взгляд его без эмоций и любопытства, сосредоточенный и серьезный, неприятно поразил меня. Не поймешь, есть ли человеку дело до древнерусского искусства или он решил запечатлеть в памяти мой облик.

Этот представительный посетитель не задал ни одного вопроса. Когда экскурсия закончилась и группа разошлась, он подошел ко мне и поблагодарил:

— Спасибо. Было очень интересно. Только не очень понятно.

Голос его, приятный баритон, звучал приглушенно и как-то особенно доверительно. Возможно, из-за акцента.

— Мне, откровенно говоря, тоже многое не понятно. Хотя я изучаю эти предметы буквально сантиметр за сантиметром уже не первый год, — ответила я

— Такая ваша специальность, — сказал мой собеседник.

— Вообще-то, моя специальность — лицевое шитье, — заметила я.

— Шитье? — переспросил он. — А, это такие большие... как это... вышивки?

— Это не совсем вышивка. Техника очень сложная. Вроде гобелена, только делается все иголкой, стежок за стежком. На каждую такую работу у мастериц уходило годы.

— Мастериц? — он всерьез заинтересовался.

— Да, именно, — ответила я, — лицевым шитьем в древности занимались только женщины. Стать живописцами они не могли, так же, как мужчины не брали в руки иглу.

Мы стояли у витрины, в которой была выставлена моя любимая пелена «Успение Богородицы». Мой собеседник поднял на нее глаза, сказал:

— Красиво. Похоже на икону. А какой это век?

— Конец шестнадцатого, — ответила я. — Про такую работу говорят: живопись иголой.

— Да, у нас нет ничего похожего, — кивнул мой собеседник. — Это действительно уникально. Наверное, вещь очень ценная.

— Мало сказать ценная, — улыбнулась я. Всегда радуюсь, когда среди толпы экскурсантов удастся встретить заинтересованного человека. — Это жемчужина нашей коллекции. Скоро повезем ее в Москву на выставку.

Мужчина отвел взгляд от «Успения Богородицы», сказал с сожалением:

— А я в Москве бывал только проездом. Так ничего пока и не видел.

— Вы, вероятно, из Риги, — заметила я.

— Почему из Риги? — тут он глянул на меня в упор, кажется, впервые оценив мою далеко не эффектную внешность, и вполне серьезно, без улыбки, указал на пелену. — А вы похожи на нее. На Богоматерь.

Не знаю, что он нашел общего. Невесомая фигура Богородицы, изображенная в центре пелены, выражала только полнейший покой и просветленность. Причем, как это характерно для древнерусского искусства, лицо Богородицы совершенно статичное, лишь намеченное вышивальщицей, не выражало ничего, кроме молитвенной отрешенности. Выразительны ее текучая поза, плавные линии одежды. Все это создает ощущение какой-то надмирности. Так же, как устремленные к центру взгляды и позы апостолов в длинных одеждах, ниспадающих причудливыми складками. А выше всех — Христос, грозный и милостивый, с ангелами. Два ангела — словно аккомпанемент в причудливом и гармоничном сплетении мелодий. Я всегда перед этой пеленой невольно замедляю шаг, а выдаться минута — смотрю на нее и ощущаю на душе такой тихий покой и такую радость, что слезы готовы выступить на глазах.

Конечно, сравнение с Богородицей меня смутило. Назови любую женщину хоть розой райского сада, она убедит себя, что это не лезть, а всего лишь маленькое преувеличение. Но какая я Богородица? Это уж слишком.

— Разве эта группа не из Риги? — спросила я, меняя тему разговора. Некоторые туристы, разбредшиеся по залу, еще оглядывали экспонаты, негромко беседовали по-латышски.

— Я не из группы, — ответил мой визави, — я сам с собой. Или как это правильно? Сам за себя?

— Сам по себе, — улыбнулась я.

— Да, так. Я из Норвегии. Мое имя Ларс Енсен. Он вновь взглянул на меня пристально, ожидая, очевидно, что назову свое имя. Но я сказала лишь, что очень рада, если ему понравилось у нас в музее, пригласила заходить еще. У меня дел всегда много, а тогда я была особенно загружена. Подготовка выставки не оставляла времени не только на болтовню со всяким заходящим иностранцем, но и пообедать — то порой забывала в запарке. С явным удовольствием я поспешила бы в фонд, к своим привычным хлопотам. Не очень-то понравился мне этот Ларе Енсен с первого взгляда. Закрытый тип. Как сундук. И видом шкафообразный какой-то. Так я о нем подумала, помнится. Я вообразила себе, как выгляжу рядом с ним: невысоконая, полненькая, одетая в вещички, купленные лет пять назад. А он — верзила в носком пуловере и джинсах, распространяющий запах дорогого мужского парфюма. Слово сошел с обложки глянцевого журнала. От этого сопоставления мне хотелось поскорее вернуться в привычную обстановку, скрыться за стеллажами. Однако Енсен меня остановил:

— Я имею просьбу к вам. Если, конечно, это возможно...

— Какую же? — спросила я, досадуя на задержку.

Енсен начал обстоятельно объяснять, что он менеджер совместной фирмы «Нордфиш», которая производит рыбные консервы. Я припомнила, что читала в прессе о предприятии с таким названием, исправно перечисляющем платежи в бюджет.

Енсен сообщил, что через неделю приедут его деловые партнеры из Швеции и Норвегии. Запланированы переговоры о расширении производства рыбных консервов у нас в городе. Само собой, предусмотрена и культурная программа для господ инвесторов.

— Не согласитесь ли вы провести для них экскурсию? Об оплате мы договоримся. День и час я сообщу дополнительно. Какой ваш телефон? — Енсен достал записную книжку.

«Ну и дела! — подумала я. — Похоже, этот менеджер и не предполагает, что я могу отказаться».

— Вообще-то, я не экскурсовод, а хранитель, — ответила я, подумав. — Кроме того, я не говорю ни по-шведски, ни по-норвежски. Только по-английски. У нас есть девушка, которая

знает норвежский. Молодая, симпатичная. Недавно университет окончила. Она с этим справится лучше.

— Нет, — возразил Енсен, — молодая, симпатичная — не надо.

— Спасибо за комплимент, — усмехнулась я.

— Вы лучше, чем симпатичная, — ответил он.

Я так и не поняла: лучше ли я, чем любая длинноногая девица стандартно-привлекательного вида или я не просто симпатична. А может быть, он имел в виду, что для того, чтобы провести экскурсию, вовсе и не надо быть привлекательной.

— Обратитесь к директору, — посоветовала я. — Или к его заместителю.

— Да, понятно, — протянул Енсен, — только вы не сказали, как зовут...

— Директора зовут Павел Александрович Старицкий, — ответила я, всем своим видом давая понять, что разговор закончен. — Кабинет его — на первом этаже, налево по коридору.

— Да нет, вы не сказали, как зовут вас, — проговорил Енсен, сглаживая невольную настойчивость любезной менеджерской улыбкой.

— Я представилась в начале экскурсии. Хранитель фонда произведений древнерусского искусства Одинцова Ангелина Васильевна.

На этом наша беседа закончилась. Мой ответ, судя по всему, прозвучал куда как официально.

Только придя к себе в фонд и усевшись за рабочий стол, я подумала о том, что наша встреча с господином Енсеном произошла как раз в день Успения Богородицы. Об этом мне напомнил православный календарь, что висел на дверце шкафа. «Бывают же совпадения», — подумала я не то тревожно, не то раздраженно.

Пожалуй, эта детективная история началась именно с моей случайной беседы с Ларсом Енсеном. Да и вообще, все новое в жизни женщины, говаривала моя подруга Марина, начинается с нового мужчины.

Хотя трудно указать момент, когда мое размеренное существование покатило по какой-то другой колее, но все же появилось вдруг в тот день томительное и приятное ощущение, что вот-вот моя судьба закрутится-завертится, как карусель. Сколько раз душа замирала в предчувствии неведомых перемен, но все оставалось по-прежнему, и никакие предчувствия не сбывались. Я пыталась уверить себя, что томительное и приятное ощу-

щение вовсе не связано с Енсенем, просто на работе назревали приятные события: поездка в Москву, выставка, а там, как знать, громкое признание моих научных заслуг, публикации, конференции, симпозиумы.

То, что Ларса Енсена я встретила в музее, — печальная закономерность. А где же еще? Ведь нигде, кроме как на работе и дома, я не бываю. Булочные, сапожная мастерская и прачечная не в счет. Вскоре я, наверное, и думать бы забыла о норвежце, и срочные дела вытеснили бы из памяти нашу, в сущности, малозначительную беседу. Но Енсен осуществил свое намерение.

Предприимчивый менеджер обратился-таки к нашему начальству, и директор Пал Саньч тут же распорядился, чтобы я провела экскурсию с консервщиками, планирующими завалить маринованной селедкой и килькой пряного послала весь наш регион. В газете я потом прочитала, что норвежцы и шведы договорились с нашими предпринимателями о долевом участии в строительстве нового рыбоперерабатывающего завода в нашем городе. Таким образом, я способствовала налаживанию взаимовыгодных деловых связей наших бизнесменов с иностранными. «Да здравствует стабильное экономическое развитие! И при чем тут Енсен?» — усмехалась я про себя.

Иностранные денежные мешки, пришедшие неделю спустя после нашего с ним разговора посмотреть на русские иконы, оказались все как один подтянутыми и спортивными с виду. Одеты они были скромно и мало чем отличались от других экскурсантов. Моего английского было вполне достаточно, чтоб, не утомляя столь изысканную публику подробностями, рассказать им об экспозиции и ответить на простые вопросы. Енсен был на этой экскурсии и держался, как и в прошлый раз, несколько в стороне. Он лишь кивнул мне в знак приветствия и коротко поблагодарил меня уходя. Правда, назвал при этом по имени-отчеству:

— Спасибо, Ангелина Васильевна, за интересный рассказ.

Иностранцы не всегда запоминают наши отчества, а Енсен мое запомнил.

На другой день мне на работу из магазина «Гран-при» принесли букет цветов. Он был не из дорогих: скромные гвоздички в прозрачной упаковке. На визитной карточке, приложенной к

цветам, значилось: «С благодарностью и наилучшими пожеланиями». И размашистая подпись: «*Ларс Енсен*». По-английски. Видимо, по-русски Енсен писал с ошибками.

Почему-то мне стало грустно. Подумалось: «И когда это в последний раз меня баловали такими подношениями?» Даже и не вспомнила. Обязательные чахлые мимозы от мужчин родного учреждения на 8 Марта не в счет. Первый мой муж, Вадим, дарил, бывало, мне цветы, писал стихи, в которых тонко намекал на мое имя — Ангелина, называя меня ангелом-утешителем. Я и полюбила-то его давно, еще в университете, словно закружившись в ритме его странных стихотворений. Стихи его были преимущественно надтреснутые верлибры, избыточные приметами неустроенного быта и передающие ощущение какой-то отстраненности от всего на свете, не только от быта. Ощущение полета в бездну.

*Я невесомей космонавта за бортом.
А ты глядишь, как сквозь иллюминатор.
Не в силах руку протянуть, чтобы спасти.
В твоих руках — то тряпка, то кастрюля,
Мне до тебя вовек не докричатся.
Нет воздуха. Надежды тоже нет.*

Это он — обо мне. И — мне. Но ранняя наша молодость быстро прошла. Наваждение исчезло. Кастрюли же и тряпки, увы, вечны и неистребимы. А трагическое ощущение Вадима — этот самый полет в никуда — оказалось пророческим.

Вадим так и не мог издать ни одной книжки. Редкие и случайные газетные и журнальные публикации его стихов прошли почти незамеченными. Издательские рецензенты во «внутренних» рецензиях упрекали Вадима в пустом формотворчестве и подражательности. Правда, кому он подражал, так до конца было не ясно. Отмечали критики, что надежды он подает большие, советовали писать в русле отечественной традиции и в реалистической манере. Вполне по-дружески, впрочем, советовали. Не миновало Вадима и вечное болезненное пристрастие творческих личностей к универсальному антидепрессанту — алкоголю. В этом отношении он отечественной традиции соответствовал вполне. Все же, мне верится, он смог бы пробиться. Через непонимание, собственную слабость, тулупость издателей и равнодушные читателей. Если

бы не нелепая его гибель под колесами легко-вухки, поздно ночью мчавшейся по пустынной улице. Как выяснилось потом, оба участника этого происшествия: и водитель, и пешеход, — были пьяны. Нашему сыну Сане, когда я похоронила Вадима, было полтора года.

Второй мой муж, Игорь, букетно-конфетную стадию ухаживания провел блестяще и решительно, как штурм крепости. Он буквально преследовал меня навязчивым вниманием, пока мы не оказались в загсе. Впоследствии Игорь дарил мне в основном кофемолки, кухонные комбайны на праздники и в день рождения. Когда я села за диссертацию по лицевому шитью, он унес из дому компьютер, чтоб помешать моей работе. «Зачем это тебе надо? Ведь у нас и так все есть». До сих пор помню, с каким искренним недоумением он произнес эти слова. Когда я стала уходить из дому, чтоб посидеть за компьютером у друзей или в библиотеке, он набрасывался на меня чуть ли не с кулаками. Не верил, что я действительно работаю над темой, а не бегаю по свиданиям. Наша жизнь в мгновение ока превратилась в сущий кошмар. Хотя диссертацию я благополучно забросила, но от Игоря все равно ушла, к тому времени у меня был не только почти взрослый и самостоятельный сын, но и дочка Катюшка. По странному стечению обстоятельств, когда мы с Игорем развелись, ей было, как и Сане, когда я потеряла Вадима, полтора года. Игорь живет неподалеку. Официально он числится рекламным агентом в какой-то фирме, но негласно, втайне от налоговой инспекции, содержит на паях с такими же, как он, оборотистыми ребятами автомастерскую в арендованных гаражах. Поскольку не он ушел от меня, а я от него, он посылает алименты со своих официальных заработков. Это крохи, которые я и в расчет-то не беру. Какие уж тут цветы.

Впрочем, гвоздикам от Енсена я не придала большого значения: так, выражение благодарности, нечто вроде чаевых, и только. Это у нас, в России, подарить цветы женщине со стороны мужчины — жест почти джентльменский, обязывающий, а в благополучной Норвегии неброский букетик — что-то вроде разменной монеты за услугу. И мило, и необременительно. На этом, как я полагала, наши взаимоотношения с Енсенем закончены.

Однако через несколько дней, когда гвоз-

дички успели пожухнуть, мы встретились снова, поутру, на автобусной остановке. Погода стояла прямо-таки летняя. Только лето-то было обманчивое, бабье.

Я ждала автобуса, потому что, если б пошла пешком, наверняка опоздала бы на работу. В уме я складывала, умножала и вычитала. Пыталась свести приход с расходом. Наша семейка влезла в безнадежные долги. Так уж все сошлось. Невероятная, если принять в расчет мою зарплату, сумма была потрачена на поступление Сани в университет на юрфак. Подготовительные курсы, занятия с репетитором по английскому чего-нибудь да стоили. К счастью, траты оказались не напрасны: ребенок успешно преодолел поступательный марафон. К тому же летом, в слякотную погоду, промокла и простудилась дочка Катюшка. Подхватила тяжелую пневмонию, которую пришлось лечить чуть ли не месяц. Это лечение тоже влетело в копеечку. За лекарства, витамины, нормальный уход в больнице и процедуры пришлось выложить примерно столько же, сколько за поступление Сани в университет.

Катюшка должна была пойти этой осенью в первый класс, но врачи настояли на том, чтобы подождать год и дать ей окрепнуть. По крайней мере, не пришлось пока что тратить на учебники и прочие школьные причиндалы. Катерина просто себя не помнила от обиды: не то чтобы она мечтала стать первоклассницей, но лишний год в детском саду ей казался ужасной несправедливостью.

Утешила я ее только тем, что пообещала взять с собой в Москву, когда поедем монтировать выставку. На поездку тоже нужны деньги. Командировочные да задержанная на месяц зарплата — вот и все ближайшие финансовые поступления. Я с сожалением подумала о том, что придется просить об отсрочке долгов и, возможно, опять залезть в «черную кассу», которая у нас в музее еще существует. Должны же пойти навстречу! А вот о новом пальто на осень и зимних сапогах придется забыть. В конце концов, если сшить брюки и сварганить теплую юбку из старого Каткиного пальтишка, можно обойтись и курткой. Надо же приодеть Саню. Все-таки студент. Девочки-студенточки, которые приходят к нам на практику, все такие стильные, такие модные. Саня должен выглядеть нормально, чтобы у него не возникло комплек-

са неполноценности. Я и не глядела по сторонам, погруженная в невеселые мысли, поэтому не сразу заметила, как у обочины остановилась легковушка. Из машины выглянул Енсен.

— Садитесь, — кивнул он мне. — Если вам на работу, то это по пути.

Это было очень кстати, потому что времени у меня оставалось в обрез. До музея ехать на авто минут десять, не более. Поэтому мы успели перекинуться немногими словами. Я поблагодарила Енсена за цветы, он ответил, что рад, если они мне понравились, и всегда готов оказать дружескую услугу. Тормознув у музея, он сказал:

— А знаете, ведь офис нашей компании неподалеку. Через два квартала на этой же улице. А в вашем музее я раньше не бывал. Все дела, дела...

— Понимаю, — ответила я. — Такая жизнь.

Енсен улыбнулся:

— Рыбные консервы — это всего лишь рыбные консервы. Съел — и банку выбросил. Заниматься этим с утра до вечера смешно. Наверное, вы так думаете. Я хотел бы тоже, как вы, жить и работать среди красивых вещей, а не считать консервные банки.

— О, моя жизнь многогранна, — сказала я также с улыбкой. — Есть в ней место и заготовкам на зиму. Так что я тоже считаю консервные банки. Только вы их считаете тысячами, а я — десятками.

— Скоро будем считать миллионами, — уточнил Енсен.

Я вылезла из машины, поблагодарила его и побежала на работу. Разговаривая с ним, я все время думала: «Интересно, как к нему обращаться? Господин Енсен — нелепо и претенциозно, просто по имени — фамильярно».

По-видимому, Енсен был человеком действительно очень занятым или весьма неторопливым. Он позвонил мне на работу недели через полторы. Я удивилась звонку. Ведь я и думать о нем забыла, во всяком случае, так мне казалось. И уж, конечно, я была уверена, что Енсену незачем вспоминать о моем существовании.

Но его голос с характерным акцентом я узнала сразу.

— Здравствуйте, Ангелина Васильевна, — проговорил он, чуть растягивая гласные.

— Добрый день, господин Енсен, — ответила я.

— Зовите меня Ларс, — отозвался он. — Если

это имя не слишком напоминает вам собачью кличку. Но другого у меня нет. В прошлый раз мы оба очень торопились на работу. Мне было жаль, что не было времени поговорить.

— О чем? — спросила я.

— Все равно, — сказал Енсен. — Иногда это не важно. Говорят ведь не обязательно о чем-то.

Я невольно усмехнулась. По-видимому, он почувствовал это.

— Что, так неправильно по-русски?

— Да нет, все правильно. Но я ведь на работе и страшно занята.

— Какое совпадение! Я тоже на работе и тоже занят. Но через полтора часа у меня перерыв. Ресторанчик, который на углу у остановки, как раз неподалеку и от вас, и от меня. Встретимся там. Вам так удобно?

Последняя фраза была сказана не то с вопросительной, не то с утвердительной интонацией. Я поспешно стала соображать, смогу ли я освободиться через полтора часа, а Енсен прервал паузу:

— До встречи, — сказал он и повесил трубку.

Встреча в ресторане, конечно, состоялась. От такого предложения можно отказаться, если тебе раз в неделю дарят цветы и приглашают в ресторан. Я же в ресторанах не была целую вечность.

За обедом Енсен был невозмутим, почти чопорен. Это, по-видимому, его обычная манера. Ресторанчик был не из дешевых. В полумраке за сдвинутыми столиками сидела мужская компания, совмещавшая пиво и обед с деловыми переговорами, да двое молодых людей у стойки потягивали коктейли. Я всегда в такой обстановке, где, в сущности, никому ни до кого дела нет, испытываю неловкость. Разговор наш не очень-то клеился. Я спросила прямо:

— Зачем вы мне позвонили? Ведь у вас ко мне никакого дела нет.

Енсен ответил не сразу:

— Я хотел бы больше знать о вас, о вашей жизни. Мне это интересно. А делами и серьезными разговорами я, как это говорят у вас, сыт по горло.

В беседе опять повисла неловкая пауза. Енсен разговаривал со мной как с сотрудницей, которую нанимает на работу. В его словах и интонации не было ничего, что бы намекало на то, что я ему нравлюсь.

— Что вам интересно знать? — спросила я. — Жизнь моя обычна: ни приключений, ни развлечений. Все больше заботы да проблемы.

— Какие? — Енсен поднял на меня глаза.

— Обычные. Житейские. Скучные.

— Мне кажется, нет. Не скучные, — возразил Енсен. — Расскажите мне о своих обычных житейских заботах.

Он внимательно слушал о том, какую замечательную выставку мы готовим, о фонде, который мне поручен. Расспросил, что это будет за выставка. Понимающе кивнул:

— Вы, наверное, много от нее ждете?

— Многого ждете, — поправила я.

— Спасибо, — сказал Енсен. — Я не совсем хорошо говорю по-русски, но стараюсь. — А потом перевел разговор на другое. Спросил, живы ли мои родители, есть ли у меня семья.

Я ответила, что вырастила меня мама, она умерла пять лет назад. Сказала, что у меня двое детей: сын и дочь.

— У вас двое детей? — оживился он. — У меня тоже две дочери. Одна учится в университете на факультете социальных наук. Вечерами работает: и практика, и деньги. Вторая моя дочь окончила школу, потом — курсы, сейчас работает офис-менеджером в фирме. Думает учиться дальше. Хорошие девушки. Слава богу, самая большая беда их миновала.

— Какая беда? — не поняла я.

— Наркотики, — сказал он серьезно.

Я согласилась: да, это, пожалуй, самое страшное. Заметила:

— Но их мать не допустит такого.

— У них разные матери, — ответил Енсен. — Я был два раза женат. Дети у нас в Норвегии, после того как школу окончат, живут совсем самостоятельно. Я дочерей не видел полгода, наверное. Пишут и звонят они нечасто. По праздникам.

— Опять совпадение! — воскликнула я. — И я была два раза замужем. Но о своих детях я знаю все. Они мне доверяют.

— Значит, вы счастливая, — заметил Енсен.

Тут подошел официант. Я заказала котлету по-киевски и салат и настояла на том, что каждый платит за себя. В уме у меня снова заработал калькулятор. На то, чтобы шикануть в ресторане, как раз и уйдет вся доплата за внеплановую экскурсию, организованную по настоянию Енсена,

причем эти деньги еще неизвестно когда я получу. Енсен сказал:

— Если я вас правильно понял, та вещь, около которой мы с вами познакомились, будет выставлена в Москве?

— Да, конечно, — ответила я. — В следующую пятницу мы ее снимем, в понедельник запакуем. Это ведь шедевр.

— Знаете, что меня особенно поразило в этой пелене? — не сразу проговорил Енсен. — Краски неяркие. И лицо Мадонны такое обычное. Такие лица я встречал часто. Ваше того же типа. И в то же время есть в этой картине что-то исключительное. Не знаю, как сказать по-русски. Чудо, наверное.

— Вы правы, — согласилась я. — На иконах и на пеленах чувства персонажей передаются не выражением лица, а позами, общим ритмом композиции, цветовым решением. Символами иногда.

Я невольно себя остановила. О пелене «Успение Богородицы» я могу говорить бесконечно. Но не всем это интересно. И тут Енсен все испортил.

— А сколько стоит такая вещь? — спросил он.

— Не помню точно, — подумав, ответила я. — Есть официальная оценка. Пелена застрахована. Наверное, сумма немалая. А предложи такую вещь знающему человеку — даст и больше.

— В долларах, наверное, не меньше ста тысяч? — уточнил Енсен.

Я только пожала плечами.

Обсуждение стоимости пелены, в которой мой собеседник увидел чудо, между вторым блюдом и десертом произвело на меня грустное впечатление. Неужели действительно все имеет свою цену, все можно продать и купить? И почему всегда все интересуются ценой тех вещей, что поручены моему догляду? Разве это просто вещи? Разве это вообще вещи? По-моему, «Успение Богородицы» настолько же вещь, насколько вещью можно назвать весеннее солнце или осенний дождь.

Обед благополучно подошел к концу под светскую беседу на общие темы. Расставаясь, Енсен сказал:

— Вы не возражаете, если я вам позвоню, когда будет время?

Глава вторая

В тот день дома меня ждал сюрприз. На диване в большой комнате сидела девица, длинноногая и странно одетая. На ней был свитер размера на два больше, чем необходимо при ее щедедушном телосложении, и колготки. На ногах у этой особы — мои тапочки, а на голове — копна волос неопределенно рыжего цвета. Очевидно, девчонка сделала мелирование волос в домашних условиях. Я набрала в легкие как можно больше воздуха и постепенно выдохнула, чтобы успокоиться. Хотя чему тут удивляться. Появление девушки в нашей квартире — дело неизбежное. «Это даже хорошо, — уговаривала я себя, — что Саня пригласил ее к нам в дом. Хуже, если б они встречались неизвестно где, в разных забубенных компаниях». Все молодежные компании мне казались в той или иной степени забубенными. Я натянула на физиономию приветливую улыбку и сказала девице как можно вежливее и спокойнее:

— Здравствуйте.

А что мне оставалось еще делать?

Она ответила:

— Здравствуйте.

И то не сразу, в порядке любезности. Привстать она не соизволила.

— Мама, это Лиза, — сказал Саня.

«Хорошо еще, что догадался ее мне представить, а не наоборот — меня — ей», — подумала я и, улыбаясь по-прежнему во весь рот, ограничилась дежурной фразой:

— Рада познакомиться. Ангелина Васильевна.

Саня и Лиза с серьезной миной стали пить кофе. Для меня кофе уже не осталось. Лиза, надо отдать ей должное, просекла неловкость ситуации и распорядилась:

— Санек, ну-ка принеси маме чашечку кофе.

Ах, как же мне не понравилось все это: и то, что эта оборотистая и нахальная Елизавета командует моим сыном, и то, что она назвала меня мамой. А это нелепое обращение — Санек — меня вообще чуть не взбесило. Девица, как говорит современная молодежь, «напрягала» меня все больше и больше. Саня было вскочил с кресла, но потом проговорил извиняющимся тоном:

— Мама не пьет кофе. У нее давление.

Я вновь поморщилась. Не хватало еще, чтоб Саня поведал Лизе про все мои болячки: про ра-

дикулит, близорукость — о прочем и вспоминать не хочется. Ненавижу ситуации, когда приходится следить за выражением своего лица, интонациями, чтоб не выдать истинных мыслей и действительного отношения к собеседнику. Некоторое время я поколебалась: уйти к себе в комнату, сославшись на головную боль, или поговорить с Лизой, чтобы попытаться выведать кое-что о ней самой и о том, что у них с Саней за отношения. Хоть здравый смысл не вполне победил мою неприязнь к незваной гостье, я осталась, усевшись по-хозяйски в единственное кресло. Для начала я решила сыграть роль уютной домашней тетеньки, образцовой матери:

— Что ж ты, Саня, заранее меня не предупредил, что будут гости. Я бы пришла пораньше. Приготовила бы что-нибудь вкусненькое.

Но Саня рубанул правду-матку:

— Когда это ты приходила домой пораньше? Ты в этом своем фонде среди пыльных досок и тряпок ночевать готова. И скажи мне спасибо. Если б я не позаботился, в доме и хлеба бы не было. Ужин Катюшка уже готовит.

Как выяснилось, Катюшка на кухне кипятила чайник, чтоб залить вермишель быстрого приготовления, и варила сосиски. В этом и заключалось приготовление ужина. От помощи она отказалась. Пришлось вести с Лизой и Саней унылую светскую беседу ни о чем. Я едва поборола желание забросать их вопросами: кто такая эта Лиза? Откуда она взялась? Кто ее родители? Заговорили мы о том, что нынешней осенью стоят на удивление погожие деньки, а обещали холод и дожди. Саня рассказал об университетских делах, учеба ему была внове и нравилась. Лиза только хмыкала и качала головой, как будто она — самая умудренная опытом среди нас. Вероятно, ей, как и мне, становилось скучно. Появление Катюшки, в моем переднике, с ложкой в руках, было встречено всеми улыбкой.

— На стол уже можно накрывать, — сказала она. Затем обратилась к Лизе светским тоном: — Вы, Лиза, останетесь с нами поужинать, не так ли?

С тех пор как моя дочь занялась английским и преуспела в занятиях, она сплошь и рядом употребляет предложения, которые кажутся неудачным переводом с этого языка. Ужин наминал чинное английское чаепитие, тем более что каждому досталось только по сосиске и чуть-чуть вермишели.

За чаем Катерина сказала:

— Мы уже почти подружались с Лизой. Надеюсь, мама, это тебя обрадует.

Дочурка у меня продувная bestия. Когда Катерина лежала в больнице с пневмонией, она подружилась со всеми медсестрами, нянечками и врачами. Медсестры отдавали ей использованные одноразовые шприцы, врач прописал дополнительную дозу сладкого пертусина, а одна нянечка по ночам рассказывала ей и всей палате страшные истории. Прохиндейская жилка в Катке есть. Это в ней от ее отца. Но при всем том она и на меня похожа. Ни за что не скажет доброго слова о том, кто ей не нравится на самом деле. А уж дружить она способна только просто так, потому что никаких корыстных соображений у нее нет и быть не может. Во всяком случае, поначалу. Именно поэтому, наверное, окружающие и приносят ей на блюдечке с голубой каемочкой все, что девочке пожелается. «Интересно, — подумала я, — чем же успела очаровать Катюшку эта Лиза?»

— У вас замечательные дети, — поддержала беседу Лиза. — Катюша — живая, веселая, а Санек — такой непосредственный, такой отзывчивый.

«Что верно, то верно, — сказала я про себя, — на моем тихоне и впрямь воду возить можно». А вслух спросила Лизу:

— Где же вы с ним познакомились?

— В университете, — ответила Катюшка, которая все про всех знала. — Первого сентября. Представляешь, оба опоздали на первую же лекцию. И просидели час у универа, болтая о том о сем. Лиза учится на журфаке.

— Нелегко, наверное, было на журфак поступить? — спросила я Лизу.

— В этом году — особенно. Конкурс большой, но я уже на втором курсе. До универа я год кантовалась.

— Как это — кантовалась? — не поняла я, сообразив, что Елизавета как минимум года на три старше Сани.

— Очень просто — по тусовкам слонялась, английский подтянула, в газеты писала. Печатали, правда, редко. Иначе не пробиться на журфак. Нужны публикации, связи, знакомства, — ответила она.

— Понятно, — заметила я. — О чем же вы писали?

— О чем придется, — ответила Лиза. — Про подrostков-наркоманов, про рок-фестиваль.

— Про наркоманов! — вырвалось у меня.

— Ну да. Вроде как ощущения и переживания начинающего наркомана. Исповедь от первого лица. Про то, как засасывает неокрепшую юную психику и губит молодое здоровье эта жуткая зараза. В форме дневниковых заметок.

Я оторопела:

— Так, значит, вы...

— Ну да, — бесшабашно ответила Лиза, — пробовала. А кто сейчас не пробовал? Читайте прессу, там же жуткая статистика. И друзья у меня, знаете, еще те. Ничего-то в жизни не упустят.

Небо мне показалось с овчинку. Еще не хватало, чтобы Саня вошел в круг таких друзей.

— Я считаю, что обо всем можно судить только на основании собственного опыта, — заявила Лиза серьезным тоном, а потом рассмеялась, глядя на меня, — да не пугайтесь вы так. Журналист — это человек, который выпьет на копейку, а скандал устроит на миллион. Работа такая. Я и затянулась-то травкой всего пару раз.

— Ну и как? — спросила, наострив ушки, Катерина.

— Да как тебе сказать, — пожала плечами Лиза. — Кайф есть кайф. Чувство такое, — это она уже обращалась ко мне и к Сане, — словно каждая твоя мысль, каждое ощущение ветвится и растет, как дерево. Кажется, что перед тобой откроется вот-вот какое-то новое пространство. Только, это я уж по опыту моих друзей сужу, никогда ни перед кем оно, пространство это, не открылось. Финал, если заиграться в эти игры, и вовсе уж печальный. Да и кайф я предпочитаю ловить благодаря собственным усилиям, а не так, наготово.

— И вы судите об этом спокойно, как о чем-то обыденном? — ошарашенно проговорила я.

Лиза только дернула плечиком, словно отгоняя надоедливую муху. Видимо, такой реакции она и ждала от меня в ответ на свою откровенность.

А Саня бросился ее защищать:

— Лиза не хуже других. Она просто правдивая и откровенная.

Присутствие Катерины при этой правдивой беседе меня повергло в глубокое уныние. Именно ради того, чтоб наставить ее на путь истин-

ный, я заметила менторским тоном, чего себе стараюсь не позволять:

— Для того чтобы убедиться, что грязь — это грязь, совсем не обязательно вывалиться в ней.

Катюшка сморщила носик:

— Давайте лучше сменим тему.

— А в каком ты классе учишься? — спросила Лиза Катерину, видимо тоже желая перевести разговор в более спокойное русло.

Но она не ожидала, что наступает невольно на Катюшкину любимую мозоль. Катерина для своих семи лет выглядит вполне взрослой. Хожение в детский сад для нее — мука и наказание.

— Я учусь сама. В английскую группу хожу. Читать и писать давно умею, — ответила Катюшка, а потом, отхлебывая чай, добавила: — И чем только занимаются эти первоклассники? Мне просто смешно. Прямо не знаю, как мне не умереть со скуки в этой школе, мама меня определит сразу во второй класс. Или даже в третий. Я все-все знаю.

Саня и Лиза засмеялись.

— Не верите? — обиделась Катюшка. — А между прочим, когда я по телевизору игру «Кто хочет стать миллионером» смотрю, дохожу до десятого вопроса, а то и дальше. Вот вы знаете, кому на Трафальгарской площади в Лондоне воздвигнут монумент?

— Адмиралу Нельсону, — сказал Саня.

Катюшка суксилась:

— Вот так всегда! Ты в универ готовился, все это учил, а я маленькая...

— Правильно, маленькая, раз в детский сад ходишь, — подколот ее Саня.

И Катюшка без предупреждения взревела басом. Она ревет только от обиды. Причем начинает в низкой тональности, потом переходит в другой регистр и кончает всхлипыванием и тоненьким подвыванием.

— Мама, ну скажи ему... Пусть он не обзывается... — всхлипывала она.

Домашняя идиллия была безвозвратно испорчена. Стоит моим милым деткам собраться вместе — совет их не берет никак. То Катерина вредничает, то Саня ее дразнит и задирает.

Лиза наблюдала за этой сценой, сдерживая смех.

Хотя еще не пробило девять часов, время, когда Катюшке пора спать, я сочла за благо уговорить ее и уложить пораньше.

— Ну и пусть я хожу в детский сад, — отругивалась она громко из нашей общей с ней комнаты, — зато ты, Санечкин, с мамой в Москву не поедешь, а я поеду. Вот!

Лиза, пока я утихомиривала Катюшку, попрощалась и ушла. Неожиданное появление у нас в доме этого далеко не наивного создания было вовсе не рядовым событием. Саня оказался таким однолюбом, что прямо удивительно. С одной девочкой — тихой и скромной Светой — он дружил с детского сада класса до седьмого, пока она не переехала в другой город. В девятом и десятом классе, помнится, ему нравилась Вика, первая красавица и умница в классе, в которую были влюблены чуть ли не все поголовно. У Сани тут шансов не было никаких. Он молча вздыхал и прогуливался неподалеку от Викиного дома — и все. Лиза — другой коленкор. Она ничем не напоминала тех девчонок, которые раньше привлекали внимание моего сына. Меня насторожила ее энергия, эта ее привычка переть, как танк, в разговоре!

Да от таких манер бедного Саню всегда с души воротило! Как и от женской иронии и подчеркнутой самостоятельности. Очевидно, решила я про себя, Лиза — девчонка не промах. Такая любого может окрутить: сама крутая до невозможности. Наверное, Сане она и не нравится вовсе. Просто он слегка обалдел от ее уверенности в себе, чтобы не сказать — самоуверенности.

— Как тебе Лиза? — спросил меня сын, когда мы остались вдвоем в комнате.

Я ответила не сразу, тщательно подбирая слова:

— Ты знаешь, ничего. Красивая девушка. Оригинальная внешность. Если тебя, конечно, не смущает, что она слегка косоглаза.

Правый глаз Лизы действительно чуть косил. Но не это ее портило, по моему мнению. Легкое косоглазие придавало пристальность и странность ее взгляду. Этакую особинку всему облику. Саня неожиданно взорвался:

— Да где ты заметила косоглазие? Нет у нее никакого косоглазия!

Мне стало еще тревожнее. Если уж Саня не видит в Лизе явных недостатков, дело плохо. Неужели она ему всерьез нравится?

— Тебе жить — тебе выбирать. Я забочусь лишь об одном: чтобы ты был счастлив, — сказала я возможно более спокойно. — А то, что девушка

старше и уж, безусловно, взрослее и самостоятельной тебя, наверное, неплохо...

Саня продолжал кипятиваться. Рассерженно заявил, что возраст тут ни при чем. Кому какое дело, сколько Лизе лет.

— Ты ведешь себя, как Катюшка. Та переживает, что в семь лет еще не в школе, а ты изо всех сил стараешься скрыть, что пока несовершеннолетний, — усмехнулась я.

Саня на это не нашел ничего лучшего, как заявить, что вот стукнет ему восемнадцать, тогда то уж он будет иметь полное право жить где хочет и с кем хочет, не спрашивая разрешения. Подразумевалось, конечно, без моего на то согласия. Он еще долго и возмущенно говорил, что, слава богу, время его совершеннолетия не за горами. В конце концов, он может в армию уйти, если на свете больше нет места, где бы за ним не ходили, как за маленьким. Короче, это было ужасно. Мне стоило большого труда не разреветься от обиды. Неблагодарный!

Мы поссорились из-за этой Лизы вдрызг. Вот особа, только успела ступить на порог, как внесла разлад в нашу семью. Да и Катюшка, похоже, не на моей стороне.

С тех пор я постоянно думала о Сане. Где он? Если с этой Лизой, то в какой компании? Информация о наркотиках так меня озадачила, что нехорошие мысли постоянно роились в голове. Осторожно, чтобы не знал Саня, через своих старых знакомых в университете я навела справки о Лизе. Фамилия у нее была малоподходящая для будущей журналистки — Трушкина. Почитала я некоторые довольно-таки залихватские ее публикации. Елизавета Трушкина воспользовалась свободой слова в полной мере. Ничтоже сумняшеся, она ругала в одном из своих репортажей нашу местную рок-группу «Туманная страна» за «полный дебилизм текстов и никакую аранжировку». Хорошо еще, что Лиза по крайней мере знает, что такое аранжировка. Обрушилась она в молодежном приложении к областной газете на недешевый вуз. Писала о том, что будущие менеджеры и юристы, которые учились в этом институте, недовольные уровнем преподавания, переходят в государственный университет, на курс или два ниже, соглашаясь дополнительно год-полтора корпеть над учебниками.

Досталось от вьедливой начинающей журналистки и городским властям за невнимание к

проблемам молодежи. Дескать, молодежный парламент избрали, а горсовет ни в чем к нему не прислушивается. Словом, бичевала Елизавета недостатки почем зря. Мои старые знакомые из университета рассказали, что училась она неплохо, хотя некоторые преподаватели снижали ей оценки. За то, что девушка на экзаменах и семинарах позволяла себе спорить не только с профессорами, но и с Марксом, Чернышевским, Аристотелем, Маркузе, Ницше — список можно продолжать до бесконечности. Одна преподавательница даже заявила, что «у этой Трушкиной просто мания какая-то спорить». Это меня опять-таки порадовало. Стало быть, Елизавета читает, и довольно много. Ее кумирами, как оказалось по агентурным данным, были экзистенциалисты и Фрейд. Моя подруга с кафедры философии рассказала мне, что меланхолией и иронией Кьеркегора Елизавета просто упивалась, написав про него курсовую, довольно оригинальную по стилю, Сартром и Камю она зачитывалась настолько, что стала учить французский. Преподавателя, который был не согласен с восторженными оценками студентки-второкурсницы, девчонка публично обозвала щедринским персонажем, замаскированным премудрым пескарем. А профессора, доктора экономических наук, который тоже в чем-то не соответствовал ее высоким запросам, она называла не иначе как «экономистиком» за невнятное изложение материала и отсутствие собственных убеждений.

Поистине противоположности сходятся. Мой тихоня за все годы обучения в школе воды не замутил. Старательно, дозированными порциями, усваивал знания, читал книги по рекомендательным спискам и аккуратно конспектировал прочитанное. Меня, если честно, эта его аккуратность и методичность даже раздражала. Что за мужик, который увлекается историей и раскладывает свои вещи по полочкам?! Из такого, как я опасалась, и выйдет-то зануда архивист, страдающий постоянным насморком из-за низкой температуры в хранилищах, или бедолага-музейщик, всю жизнь корпящий над несметным народным достоянием и считающий собственные копейки. Со своей стороны я сделала все, чтобы сын предпочел историческому факультету юрфак. Наверное, в Лизе Саню и привлекала редкая ее самостоятельность и невероятные амбиции. А если так — быть мужику под дамским каблучком.

Саня и Лиза быстро стали друзьями не разлей вода, что ни день проводили они время вместе: то отправлялись в кино смотреть какой-то американский новомодный фильм, как потом выяснилось, с весьма откровенными любовными сценами, то на выставку жутких современных художников-авангардистов. Я видела эти художественные эксперименты, потому что выставка открылась как раз в нашем музее: на картине одного из авторов была представлена, например, сцена соблазнения древнегреческой царицы Пасифаи быком. Быка я приняла было за аэроплан 30-х годов, зато Пасифая, белая как рафинад и до приторности натуральная, напоминала кустодиевскую купчиху. Другой художник поразил меня портретом девушки, овалом лица и странным пристальным взглядом напоминавшей Лизу. Но у бедняжки на портрете физиономия была почему-то желтая, как горчичник, и зеленая дугообразная шея. Называлось сие художество «Девушка-цветок». Остальные культурные развлечения, которым предавались Лиза и Саня, были в том же духе, поэтому я решительно настояла на том, чтоб невинная детская душа Катюшки не была травмирована сомнительными зрелищами и игрищами. Я ее воспитываю исключительно на высоких образцах художественного творчества, полагая, что вкус нужно прививать с младых ногтей. По моему настоянию Лиза и Саня брали с собой Катюшу только на пробежки по набережной и пешие прогулки. Поскольку преимущественное внимание сладкая парочка уделяла своему культурному развитию, я была почти лишена возможности получать от Катерины достоверные сведения о времяпрепровождении своего сына, помимо его учебных занятий.

Такую экстравагантную особу, как Лиза, понятно, могла только могила исправить, но Саня, опасалась я, наберется в сомнительных компаниях сомнительных взглядов, под влиянием Лизино нигилизма наверняка испортится и его характер. К худшему я была не готова и боялась даже думать, как далеко все может зайти и насколько опасно на самом деле влияние такой девушки на податливого и доверчивого Саню.

Что и говорить, ситуация меня настораживала, более того — я просто места себе не находила от волнения, но решительно ничего не предпринимала. Чтобы вновь с Саней не поссориться, я не говорила с ним о Лизе вообще, а пообщаться с

ней возможности все не представлялось. Но все же нам удалось как-то раз поговорить наедине.

В тот вечер Саня пошел в садик за Катюшкой да в магазин за молоком и хлебом. Отчего-то он задержался. Видимо, Катюшка уговорила его идти домой по набережной, вдоль старого монастырского подворья. Это была самая длинная круглая дорога от садика до дома. Лиза пришла почему-то раньше, чем они с Саней договорились. Она была явно недовольна, что теряет время, сидела в кресле и поминутно поглядывала на часы. Я, как образцовая хозяйка, предложила гостье чаю. Лиза только рукой махнула:

— Сейчас Саня придет и мы помчимся.

— Куда торопитесь? — спросила я.

— Да куда особенно не торопимся, — ответила Лиза, — просто мы договорились пойти к одному моему другу на день рождения.

— А чем занимается этот друг? — продолжала допытываться я.

Лиза неопределенно пожала плечами:

— Ничем. Его выгнали из музыкального училища за неэтичное поведение, — Лиза засмеялась, — он стучал по оцинкованным ведрам и пластмассовым бочкам.

— В этом теперь заключается неэтичное поведение? — уточнила я.

Лиза посмотрела на меня как на недоумка:

— Да при чем тут это? Неэтичное поведение — это просто слова. Бессмыслица. А он оркестр организовал такой, вместо инструментов — ведра, кастрюли и бочки. В музилище, естественно, все эти старые девы преподавательницы и преподаватели холеными ручками за голову схватились.

— Как ты сказала? — переспросила я.

— Ой, извините, — впервые за все время нашего знакомства смутилась Лиза, — «старая дева» — это не возраст. Это состояние души. Вы не такая.

Тут засмеялась я:

— Спасибо, утешила. Просто раньше я не слышала этого слова «музилище».

— Это для краткости, — пояснила Лиза.

Послышался звук подъезжающего лифта. Некоторое время мы прислушивались к шагам на лестнице: не Саня ли с Катюшкой идут, но шум в подъезде стих.

— Наверное, я и вправду старая в ваших глазах. Я ведь плохо знаю и плохо понимаю ваше поколение. Мы росли и выросли в других условиях, — сказала я.

Лиза перестала улыбаться. А улыбка у нее очень светлая, располагающая. Хмыкнула. Как видно, подумала: «Знаем мы эти разговоры: мы — плохие, вы — хорошие». На Лизином овальном, словно яйцо, личике мелькнуло задиристое выражение, которое ее тоже красило, как и улыбка. Не то чтобы я начала симпатизировать девчонке, просто позавидовала ей. Есть же такие лица, одновременно и лукавые, и простодушные, которые в каждом своем выражении удивительно приятны до такой степени, что завораживают, как стихотворение или картина. Иные люди бывают наделены грацией, фигурой, статью, не обязательно при этом им присуща внутренняя грация души и благородство поступков. Лизе повезло в другом: для нее характерна своеобразная гармоничность и выразительность мимики, все в ее еще полудетском лице — от овала до странно-го взгляда косящих глаз орехового цвета, на удивление выразительно и соразмерно. Игра ее еле уловимых мимических движений, взгляда — все приковывало внимание, словно горящий огонь или лунная дорожка на текучей воде. Повадка ее, по контрасту с выражением лица, выглядела угловатой, как у подростка, а костлявая фигурка довершала впечатление детскости. Как и неприбранные каштановые волосы.

— Ну, конечно, раньше все было по-другому, — протянула Лиза. Видимо, она просто не хотела мне возражать.

— А мне интересно знать, — продолжала я настойчиво, но без раздражения, — чем вы, молодежь, живете? Что вас интересует?

Лиза передернула худыми плечиками:

— Кого — что. Не могу же я отвечать за всех. Вот вы говорите «молодежь», «поколение», а поколения-то и нет. Каждый из нас идет своим путем. У всех разные цели. Раньше так было нельзя, разброд не поощрялся, а теперь можно.

— А какова же твоя цель? — спросила я. — Чего ты хочешь?

В душе я была недовольна: не так повела разговор. Пристала, что называется, с ножом к горлу. Никто не обязан отвечать на столь прямые вопросы, заданные с бухты-барухты. Но Лиза неожиданно серьезно проговорила.

— Чего хочу? Хочу быть известной, заработать много денег. Ненавижу нуждаться. Журналистике выбрала просто из интереса и еще — по инерции. Родители журналисты. Но я ведь уже не маленькая. Поняла, что иметь все — это нереально.

Имя себе сделать можно. Но деньги при этом когда еще будут. Оптимальное решение: пойти пока что в рекламный бизнес. Там крутятся такие бабки! Может, стану дилером... Или рекламным менеджером. Но это пока. А в детстве я хотела быть телеведущей. Теперь понимаю — физиономией не вышла. В вашем возрасте, вот увидите, я буду топ-менеджером медиахолдинга.

Что отвечать — я не знала. Елизавета была обезоруживающе искренней, хоть и не слишком многословной. На откровенность она не напрашивалась. Видимо, таков ее стиль общения.

— И не расстраивайтесь, — добавила она решительно. — Ни Саня, ни кто другой за мной не пропадет.

«Да уж, — со вздохом подумала я, — это точно. Но девочка, по крайней мере, умненькая и, кажется, не злая. Это уже хорошо». Еще моя добрая мама мне говорила: «Когда тебе хочется стукнуть человека чем-нибудь тяжелым по голове, ищи прежде всего в нем хорошие качества». В данном случае эта наука пригодилась.

— А вы кем в детстве хотели быть? — поинтересовалась Лиза.

Я усмехнулась:

— О, мое детство пришлось совсем на другую эпоху. Тогда и слов таких — «дилер», «менеджер» — не слышали. Зато у всех на устах были другие слова. Дети хотели быть космонавтами, исследователями.

Дальше разговор пошел оживленный, покатился как-то сам собой. Я призналась, что чувствую себя ужасно старой, когда по телевизору показывают документальные кадры 70-х годов. Мне кажется, что эти кадры я увидела впервые вчера, по черно-белому телевизору, а между тем жизнь-то моя, как ни крути, а катится под горку, а не на вершину успеха. Лиза понимающе качала головой. Что ни говори, а слушать она умела. Незаметное качество для журналиста. Но тут наконец-то отворилась дверь, и пришли Саня и Катерина. Лиза принялась возмущенно корить Саню за опоздание, а Саня — оправдываться. Он, видите ли, забыл про день рождения экстравагантного музыканта, Лизиного друга. Парочка упорхнула развлекаться. Я вдруг неожиданно почувствовала, что не стоит так уж бояться этой девчонки. Тревога моя понемногу улеглась. В конце концов, Лиза и Саня просто дружат, твердила я себе. Если она ему не пара — он разберется.

Глава третья

Понятно, что о Енсене я и думать забыла. Не до него было. Помимо семейных забот, я занималась не покладая рук выставкой. Подготовка одного только каталога выставки и сопроводительных документов — все нужно было сделать, как водится, срочно — отнимала времени столько, что я на работе даже не подходила к телефону. Моя помощница Зоя отвечала, что я вышла, не пришла еще, занята. А я корпела над тематико-экспозиционным планом и каталожными карточками как пчелка или сдувала пылинки с музейных предметов, извлеченных из запасников. Но неожиданно поездка в Москву накрылась.

Наш директор Пал Саныч как-то самолично наведлся к нам в фонд и, записавшись в толстой тетради, где отмечаются все, переступившие порог хранилища, с подозрительной вкрадчивостью стал интересоваться, как идет подготовка выставки, какие у нас имеются проблемы. Моего отчета директор не выслушал и, сдвинув очки на лоб — так он лучше видел, — произнес врасстяжку, ласково и тихо, будто разговаривал с ребенком или больным:

— Та-ак! Я смотрю, у вас тут, Ангелина Васильевна, образцовый порядок. Как всегда.

«Стало быть, пришел, чтоб сказать какую-нибудь гадость», — решила я. Если наш директор отличал сотрудника, намеревался его повысить в должности или отметить в приказе, он вызывал скромного труженика (чаще труженицу) к себе в кабинет, делал въедливым тоном бедняжке замечания, придирался попусту, порой доводя жертву до нервного срыва. Одним словом, он требовал за грошовую зарплату каторжной работы. Только выдержавший такое своеобразное испытание на прочность может в нашем коллективе рассчитывать на благодарность начальства или прибавку к зарплате. Если же директор говорил тихим сладким голосом подчиненной, как он ей сочувствует, называл бедолагу «голубушкой», значит, дело плохо. Жди подвоха. Не иначе как обаяшка Пал Саныч собирается взвалить на сотрудницу дополнительные обязанности или объявить ей выговор. Обиднее всего — его неизменная присказка: «Ничего не поделаешь, голубушка. Я вынужден принять меры».

Я поспешила заверить директора, что все идет по плану. Пал Саныч, надев на нос очки, приговаривал:

— Отлично, отлично, голубушка. Я всегда знал, что на вас можно положиться. Вы — замечательный экспозиционер. Нутром чувствуете и вещи, и, так сказать, идею. Масштаб-то события каков! А! Знай наших, в Первопрестольной выставляемся. А гвоздь выставки? «Успение Богородицы»?

— В отличном состоянии, — заверила я. — Пусть пока повисит в зале, упакуем позднее.

— Вам видней, вам видней! — поднял брови Пал Саныч.

Последовала вновь манипуляция с очками, которые оказались на лысине Пал Саныча. Директор полистал каталог, бубня под нос:

— Отлично, отлично.

Затем он вроде бы собрался уходить, но, словно что-то вспомнив, глядя куда-то мимо меня, сказал:

— Видите ли, Ангелина Васильевна, ситуация несколько изменилась. Да-с, изменилась. Дело в том, что средства на командировки, сами понимаете, ограничены крайне. Это не мы — комитет командует. Вы, безусловно, поедете в Москву. Но в следующий раз. Полагаю, в будущем году. Я вам обещаю. Но сейчас, — Пал Саныч развел руками, — извините, денег нет.

Я и сама не ожидала от себя такой реакции. Просто чуть не задохнулась от обиды. Практически только я и готовила эту выставку. Ночами она мне снилась. И я же ее не увижу! Словом, я испытала ощущения Золушки, которую не взяли на бал. Стараясь быть как можно спокойнее и сдержаннее, я спросила:

— А кто же поедет?

— Могут поехать только двое. Это, разумеется, я и Серафима Петровна. Она кандидат наук, мой заместитель.

— Вот как! — воскликнула я, забыв о сдержанности. — Серафима Петровна занимается живописью XIX века. А вы, извините, специалист все больше по презентациям да банкетам. Почему бы не обойтись без излишней помпы? Тогда и денег на мою командировку хватит.

Пал Саныч взглянул на меня с подавленным вздохом, как на капризного, непонятливого ребенка:

— Вы, видимо, просто не в курсе. Командиров-

ки и презентации — это разные статьи расходов. Есть у меня к вам, голубушка, просьба. Личная, если угодно. Серафима Петровна должна значиться как автор выставки, наряду с вами, конечно. Я понимаю, что это не совсем правильно, но так надо. Так надо! — повторил он твердо.

Тут я начала ругаться на чем свет стоит. Выражений не выбирала. Да Серафимы Петровны и рядом не было, когда выставка готовилась! Я заявила без обиняков, что отлично понимаю, почему «так надо»: муж Серафимы Петровны — важная шишка в правительстве области. Сама Серафима Петровна давно уже ничем не занимается, только ездит по командировкам, столичным да заграничным, да ходит по конференциям и встречам. Хоть она и зам по науке, но, написав неизвестно чьими силами и каким образом куцую диссертацию, как ученый она кончилась, и все об этом знают. Кричала я еще что-то обидное. Вроде того, что чужими руками жар загребать — занятие непристойное. И они, этот спевшийся дуэт, директор с заместителем, при монтаже запрюют выставку на корню. Все мои труды пойдут насмарку. Пал Саныч плотоядно улыбался. Он своего добился. Я так и слышала мысленно, как директор с тихой грустью говорит обо мне кому-то: «Работник она безотказный, но характер, как и у всякой одинокой женщины, не сахар. Да-с, не сахар». Водилось за Пал Санычем такое обыкновение: он нарочно провоцировал окружающих, выводил из равновесия, чтоб в любой момент обвинить любого в склочности. Сам же Пал Саныч — ну душка от чашки. Слова грубого не скажет, голоса не повысит. Я замолчала, поняла, что каждое мое эмоциональное восклицание — мне же во вред. А Пал Саныч проговорил со смирением:

— Все мы принимаем решения под давлением обстоятельств. Поверьте, мне страшно жаль.

Расписавшись в потрепанной тетради, он удалился, оставив меня в диком раздражении и досаде. За Катюшку мне было особенно обидно. Девчонка уже собралась в Москву. Одно разочарование за другим в столь нежном возрасте может довести ребенка до невроза.

Весь день во мне клокотала бессильная злоба. Катерине вечером я не сказала о том, что поездка отменяется. К счастью, с дачи приехала Марина. Первым делом она наведальась ко

мне. Ей-то я и пожаловалась на вопиющую несправедливость.

Марина выслушала мои сетования и обругала Пал Саныча последними словами: козел, чертов эксплуататор, сморчок маринованный. Она всегда с первой же минуты вставала на мою сторону. Затем Марина, чтобы успокоить меня, долго говорила о человеческой подлости вообще и о вредности моего начальства в частности.

— Это ж надо же! Как работать до ночи за гроши — так ты, а как в Москву ехать — так эта толстая Серафима.

Выпустив пар, она, как всегда, переключилась на меня:

— А ты что? Неужели так это и проглотишь?

— Что же мне остается делать?

Марина очень похоже меня передразнила:

— Что делать, что делать? Бороться надо за себя. Оттого ты и одинокая, что чуть что — лапки кверху.

— Да при чем тут это? — возмутилась я.

— Все при всем! Действовать надо! — Марина встала, потирая руки. — Кому будем звонить? До выставки-то в Москве, насколько я понимаю, времени остается всего ничего.

Я с грустью вздохнула. Звонить-то, похоже, было некому. Да и незачем. Настроение — хуже не бывает. Марина набросилась на меня. Ее почему-то бесит, когда я с унылым видом размазываю слезы по щекам. А я готова была разрешиться.

— Ну, сразу видно: на эту ворону нет обороны, — возмутилась подруга. — Нет у тебя мужика-то приличного на примете, который пошел бы, разобрался. По шее бы накостылял тому, кто этого заслуживает, наконец. Обидь меня кто — мой Николай только плечиком могучим поведет — все в кусты.

Мне стало смешно. Я представила себе некоего субъекта богатырского вида, трясущего за шкуру нашего тшедушного Пал Саныча. Почему-то возник в памяти облик господина Енсена. Этот-то наделен атлетическим телосложением.

— Да, — вздохнула Марина, — в вашей культурной сфере мужик мелковат. Мелковат! По мне, мужчина с гуманитарным образованием и не мужчина вовсе, а так, недоразумение.

Подруга не отступилась, пока не перебрала всех моих знакомых. Приходилось признать, что обратиться за помощью решительно не к кому.

Наконец вспомнили мы о Сергее Сергеевиче Ненарокове, который совсем недавно вышел на пенсию. В прошлом он — видная фигура в комитете по культуре и туризму. Сергей Сергеевич любил искусство исключительно ради самого искусства. Он истинный знаток и ценитель живописи, музыки, завзятый театрал и неприменный посетитель вернисажей. Особым пристрастием этого искусствоведа-самоучки было древнерусское искусство. Из-за его интереса к предметам церковного быта и иконам мы и подружились. Сергей Сергеевич нередко навещался к нам в музей. Бывало, встанет против икон и вперит в них взгляд, словно прозревающий века. Стоит и смотрит долго-долго.

— Это удивительно, Линочка! — не раз восхищенно говорил он мне. — Вы только представьте себе. XVI век! Люди голодают. Кровища хлещет рекой. Жуткое время! Младенцев живьем жарят, как сказано у Костомарова. А эти иконы — воплощенное смирение! Тихая красота! Ведь они тогда написаны, когда творились невероятные ужасы... Скажите, как это возможно?

Сергей Сергеевич, постояв в позе задумчивости перед Спасом Нерукотворным или перед Святителем Николаем, всегда благодарил меня за то, что я разделяю его восторг, говорил, что созерцание нетленных шедевров его очищает духовно. Не раз он утверждал:

— Русская икона — явление пока еще недооцененное. И уму непостижимое.

Собственно, все наши беседы и ограничивались темами искусства. А когда я встречала Сергея Сергеевича на открытии выставок да на официальных собраниях, он мило интересовался моими делами, был любезен и только.

Я ответила Марине, что Сергей Сергеевич, конечно, старичок приятный, но, во-первых, он вряд ли мне чем-то сможет помочь, потому что уже не работает в комитете, а во-вторых, наши отношения отнюдь не таковы, чтобы я могла о чем-то его просить. Марина лишь развела руками: нужно ковать железо, пока горячо. Поскольку у меня нет выбора, к кому обратиться, сойдет и Сергей Сергеевич. Кроме того, старые-то его связи, хоть он и пенсионер, еще могут ой как пригодиться.

— Интересно, — спросила Марина, — а почему это он ушел вдруг с такого тепленького местечка? Не иначе как проштрафился где-то или кто-то из

более значительных шишек пристроил на его должность своего протеже.

Я пожалала плечами. Ходили слухи о том, что Сергей Сергеевич отнюдь не по своей воле распрощался с насиженным креслом, но это только слухи. Марина просто-таки вынудила меня отыскать в записной книжке номер домашнего телефона моего старого знакомого и тут же ему позвонить. Приятный баритон в трубке звучал, как всегда, вальяжно. Сергей Сергеевич, казалось, был рад моему звонку. Долго рассыпался в любезностях и благодарностях, что «не забыла старика». Забросал меня вопросами. Ему были интересны малейшие подробности моей работы. Когда я сказала о готовящейся выставке, он радостно подхватил:

— Рад. Весьма рад. Это, можно смело утверждать, ваша заслуга, Линочка. Я хотел к вам зайти по старой памяти, чтобы расспросить подробнее что да как. Мне ведь все-все любопытно знать. Как старому вашему другу и неизменному ценителю искусства старых мастеров.

Он долго расспрашивал, какие именно вещи повезут в Москву, в каком они состоянии.

— Так, значит, все уже готово, и вы пакуете чемоданы? — сказал он. Разговор принял нужный мне оборот, но мне все было как-то неловко жаловаться, что Пал Саныч меня в Москву не берет.

— Готово все. Вот «Успение Богородицы» снимем, в понедельник упакуем — и можно грузить, — сказала я.

Марина мне делала знаки, дескать, излагай просьбу, не тяни время. Я, вздохнув, наконец-таки призналась:

— Очевидно, выставка состоится без меня. Меня в Москву не берут.

Сергей Сергеевич возмутился, конечно. Долго говорил, как это несправедливо, потом пообещал помочь. Правда, пообещал он это не слишком-то уверенно. Дескать, теперь он человек не просто маленький — никакой. У нас ведь как: ушел с работы — выпал из привычной обоймы. Твое место заняли другие. Что еще можно предпринять, чтобы моя командировка в Москву не сорвалась, ни я, ни Марина придумать не могли. Я смирилась с мыслью, что никуда не поеду.

В пятницу на работу я опоздала. Настроения никакого. Села за свой рабочий стол и вперила взгляд в окно, за которым качались от ветра вет-

ки берез с пожелтевшей уже листвой. Занимался довольно унылый осенний денек. Делать ничего не хотелось. Хотелось расплакаться.

Зоя Березина, моя неизменная помощница, положила на стол пелену «Успение Богородицы». Реставратор Сергей Наумыч, который с утра обретался в нашем фонде, окинул взглядом пелену и сказал:

— Да, как новая.

Он, похоже, уже был в курсе того, что командировка мне не светит. Зоя, разумеется, тоже.

— Видели бы вы, какое чудо у меня получается, — вздохнул Наумыч. — Помните «Сошествие во ад»? Скоро икона будет совсем готова. Сияющий синий цвет и киноварь великолепны. Закончу работу буквально на днях. Приходите ко мне в мастерскую — покажу. Дел — море.

Я только кивнула в ответ. Зазвонил телефон. Трубку взяла я. На проводе, как оказалось, был Ларс Енсен.

— Наконец-то я вас застал, Ангелина Васильевна, — сказал он. — Дозвониться до вас совершенно невозможно. Вы постоянно заняты.

— Да, — ответила я.

— И сейчас вам некогда? — спросил Енсен.

Я почувствовала вдруг: если отвечу, что да, некогда, он повесит трубку и больше никогда не позвонит. Это уж точно. И мне отчего-то стало очень-очень жаль, что и этот человек пройдет мимо меня. Или я — мимо него. Все куда-то бежим, суетимся, стараемся успеть. Что успеть?

— Нет, почему... — отозвалась я тихо.

— Послушайте, а если на сегодня мы с вами отложим все дела? Не будем никуда спешить. И что-нибудь придумаем, — довольно бодрым тоном проговорил Енсен.

— Что? — спросила я.

— Все, что вам угодно. Я сегодня хотел бы исполнить ваши желания, — Енсен задумался на секунду. — Ис-пол-нять, — поправился он. — Ведь так? Вы заслужили немного отдыха.

Я хотела сказать, что нынче рабочий день, что у меня вообще-то масса дел, но неожиданно согласилась. Енсен, кажется, обрадовался:

— Хорошо. Через час я буду ждать вас у того ресторанчика.

На этом разговор был закончен. Я невольно помрачнела. Интересно, как быть? Как отпроситься с работы? Сказать, что идешь на свидан-

ние? Но в моем возрасте, имея двоих детей, это, наверное, смешно.

— Случилось что? — участливо спросила Зоя. — Еще какая-то неприятная новость?

— Нет, — ответила я. — Звонили из дома. Сын. Просто интересовался моим самочувствием. С утра голова болит. Давление, — соврала я, не моргнув глазом.

— Какой у вас внимательный сын, — сказал Наумыч. — Мои детки разъехались и не вспоминают обо мне.

Я всегда чувствую себя нелепо, когда приходится врать. А тут еще и разволновалась как девчонка из-за предстоящей встречи. Не мудрено, что я раскраснелась, словно маков цвет. Видимо, и давление поднялось, как по заказу. Сергей Наумыч заметил мой неестественный румянец:

— Э, да вы и в самом деле сегодня нездоровы. Гипертония — это не шутка. Лежать надо. Лекарства принять. Обязательно. Подите-ка домой, вызовите врача.

— Врача? Нет, — ответила я, — таблетку под язык, и через полтора часа давление в норме — испытано.

Зоя захлопотала вокруг меня, усадила в кресло, принесла воды.

— Идите-идите, — сказала она. — За выходные отлежитесь. Нельзя же так. У вас отгулов накопилось — на дополнительный отпуск, а вы так себя изводите.

И я смылась с работы под благовидным предлогом нездоровья. Минуту я поколебалась, не пойти ли домой, не улечься ли в постель на самом деле. Тем более что сердце стучало часто-часто и румянец, который вполне можно было приписать болезни, не сходил со щек.

«Странно, — подумалось мне, — я всегда считала себя взрослой, спокойной женщиной, совсем не склонной к сантиментам. Отчего ж это я так встревожена, словно жду чего-то необычного?»

В конце концов, мне удалось себя убедить, что дело вовсе не в господине Енсене. Просто каждой женщине приятно чувствовать, что она нравится кому-то. В том, что мы с Енсеним симпатизируем друг другу, продолжала рассуждать сама с собой, ничего странного нет. В конце концов, совместный обед в ресторане или прогулка осенним днем еще совсем ничего не значат. Разумеется, в назначен-

ное время я ждала Енсена в условленном месте. Он подъехал на своей машине, серых «Жигулях». Галантно распахнул передо мной дверцу. Я уселась рядом с ним.

— Куда мы поедим? — спросил Енсен. — Вам решать.

— Все равно куда, — ответила я, озираясь. Вовсе не хотелось, чтобы меня в этот момент увидел кто-то из знакомых.

Машина тронулась с места. Мы свернули с оживленного центрального проспекта на боковую улицу, затем выехали на объездную дорогу, где машин поменьше. Енсен прибавил скорость.

— Я думала, что у вас иномарка, — сказала я.

— Зачем? — ответил Енсен. — Чтобы ездить по таким дорогам, дорогая машина ни к чему.

Он смутился, как будто замечание о наших разбитых дорогах — упрек лично мне. Я невольно поежилась, глядя, как лихо Енсен разъезжается со встречными машинами на повороте:

— Куда так спешите?

— Я привык ездить быстро. А куда спешим — не знаю. Все равно. Куда-нибудь, — ответил он.

Городские кварталы остались вдали. Машина ехала по пустырю. Неожиданно тучи рассеялись и выглянуло яркое, но не жгучее осеннее солнце.

— Вот видите, и погода нам благоприятствует, — сказал Енсен.

— Благоприятствует, — улыбнулась я. — Только здесь кругом — лужи да топь. А дальше пойдут деревни.

— Топь? — переспросил Енсен.

Я усмехнулась:

— Стоит отойти немного от дороги, увязнете. Тогда и поймете, что такое топь. А вообще, в этом направлении ничего интересного. Вот на юг от города — сосновый бор. Зона отдыха.

— Нет, почему же, — Енсен тоже улыбнулся. Улыбка у него была как осеннее солнце: редкая, но яркая. — Топь — это очень интересно.

Некоторое время было слышно только шуршание шин. Машина, хоть и не новая, шла легко. Енсен вел ее уверенно, ничуть не притормаживая на поворотах и развилках.

— Знаете, я почему-то часто думал о вас, — сказал он наконец совсем другим тоном, чуть глуховато.

— И что же вы думали? — спросила я.

Он ответил не сразу:

— Думал, в самом деле у вас постоянные неотложные дела или что-то случилось?

Я рассказала Енсену про все, что меня волновало последние дни: и про неурядицы с поездкой в Москву, и про Лизу, описав ее несколькими скупыми штрихами.

— Я понимаю вас. У моих дочерей есть бойфренды. Я не очень знаю, что это за люди и как они относятся к моим девочкам. Но, мне кажется, дочери довольны. Значит, нужно просто надеяться на лучшее и не думать о плохом.

Я кивнула.

— Молодой человек, с которым раньше дружила моя старшая дочь, погиб. Передозировка героина, — продолжал Енсен. — Он занимался рок-музыкой и любил скорость. Ездил на мотоцикле. Дочь переживала. Очень.

Я вновь промолчала. Хотела рассказать о нелепой гибели в автокатастрофе моего первого мужа, но не стала. Только вздохнула.

— То, что вы никуда не едете, даже лучше. Для меня, — вновь улыбнулся Енсен.

— Почему это? — спросила я.

— Если б вы собирались в Москву, вы бы так и не нашли времени, чтобы встретиться со мной.

— И все-таки обидно, — сказала я, — выставка готова. Осталось упаковать только «Успение Богородицы» да еще кое-что по мелочам. А я не еду.

— «Успение Богородицы»? — переспросил Енсен, обернувшись ко мне.

— Да. Помните эту пелену? — Енсен кивнул. — Она лежит в фонде. У меня на столе

За окнами машины потянулись пригородные деревни. Серые, давно не крашенные дома и дворы, палисадники с пожелтой черемухой и кустами рябины с блестящими красными гроздьями. Раздался звонок мобильного. Енсен притормозил, чтобы ответить по телефону. «До чего законопослушен, — мелькнула у меня мысль. — Даже в мелочах правил не нарушает». Разговор был, по-видимому, деловой. Енсен убеждал своего собеседника непременно поторопиться, чтобы закончить какое-то неотложное дело к вечеру. Затем несколько раз ответил односложно: «Да, конечно. Нет. Не думаю». Закончив короткую беседу по телефону, он посетовал:

— Ни на час не оставят в покое.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовалась я.

— Нет, так, обычная, как говорят у вас, текучка.

Мы остановились за околицей пригородной деревни, в которой все дома были скуплены дачниками, на бугре. Вдали, в низине, виднелся поселок. Деревянные двухэтажные и частные одноэтажные домишки лепились один к другому, располагаясь в хаотическом, но весьма живописном порядке. Слева — обрывистый берег реки, в осеннем мареве. На другом, пологом, берегу угадывались очертания химического завода и городских окраин. Я вышла из машины и окинула местность взглядом. Пожалуй, наиболее привлекательно выглядел возвышенный речной берег. Пожухлая трава и топляки, вытащенные на песок, след от костра и раскидистые ветлы над обрывом делали его обжитым. Более подходящего места для остановки поблизости не было. Я пошла к берегу. Енсен последовал за мной. Усевшись под ветлой на поваленное бревно, мы смотрели вдаль и слушали глуховатые гудки буксиров, что шли по реке. Промозглый, влажный воздух пах еще осенней прелью и прогретым летним солнцем деревом, а не морозцем. Ветер дул с моря, а не со стороны химкомбината, поэтому противный запах протухшей квашеной капусты, за который все в округе проклинают комбинат, не чувствовался. Я, запрокинув голову, наблюдала, как косяк диких гусей тянулся на юг.

— Не холодно? — спросил Енсен.

Я была одета не для прогулок, но отрицательно покачала головой. Промозглая сырость пока что не пробирала. Дождя тоже не было.

— Как хорошо, когда никуда не надо спешить, — сказал он снова. — Я никогда не бывал у вас в таких вот простых местах. Где ничего нет особенного. Оказывается, тут красиво. Вам, наверное, все это очень дорого?

Я молча кивнула. Енсен сидел, немного сутулившись, рядом со мной, но не касаясь меня плечом.

— Наверное, трудно оставить жизнь, к которой привыкаешь. Я хотел сказать — привык. Но это возможно, — продолжал он. — Ведь норвежцы с давних времен брали в жены русских девушек. Считалось, что это очень хорошо. И эти девушки привыкали потом к жизни у нас.

— В сущности-то жизнь у нас тут и за границей

не так уж и различается. Любят люди одно и то же, одного и того же бояться... — заметила я.

— Да, — ответил Енсен. — Это так.

Подул резкий ветер. С ветлы полетели на нас брызги.

— Холодно, — Енсен плотнее запахнул плащ. — Да вы, наверное, проголодались.

Я вспомнила о бутерброде с сыром, припасенном мной еще с утра. Уходить с неудобного берега почему-то не хотелось. Мы разделили пополам и съели этот бутерброд и пошли бродить по-над косогором. Енсен говорил о том, что его работа у нас в городе подходит к концу. Скоро он должен получить повышение на фирме и податься к себе, в северную Норвегию. Осталось подкопить совсем немного денег, и можно будет построить собственный дом. Прежний его дом достался бывшей жене.

— Знаете, моя мечта жить в тихом месте, как это, в небольшом уютном доме, писать картины, — сказал он.

Это было неожиданно:

— Что? — переспросила я.

— Писать, ну изображать все, что вижу вокруг. Самые простые вещи. Я ведь хотел стать художником когда-то. Но нужно было зарабатывать деньги. А может, просто таланта не хватило. Так и занимаюсь всю жизнь делами, которые мне, в сущности, неинтересны. А вы, наверное, счастливы, потому что всегда делали то, что хотели.

Я согласилась и заметила, что интересно было бы взглянуть на его работы.

— Это пейзажи: лес, скалы, река, — ответил Енсен, — у меня, наверное, нет воображения. Я не умею изобразить то, чего не вижу.

— Изображать, — поправила я.

— Да, так, — согласился он. — Я вам непременно покажу эти пейзажи.

Мы и не заметили, как стал подкрадываться ранний осенний вечер. Небо посерело.

— Надо бы домой успеть до темноты, — сказала я.

Мы поехали назад в город. Дома я никому не сказала про эту прогулку. Все-то мне казалось, что наше знакомство с Енсеном не может быть долгим. Скоро-скоро он уедет к себе в Норвегию, заживет отшельником, как хотел, в своем доме на лоне суровой северной природы, а обо мне и думать забудет. Так, по крайней мере, твердила я себе, но все же этот странный раз-

говор всколыхнул в душе что-то, казалось, навек позабытое, от чего я и отвыкла-то совсем. Это еще в школе я гадала, позвонит или нет мальчишка из параллельного, замирала в тоске и неуверенности. Потом-то, после разочарований и долгого-предолгого одиночества, я уж и отвыкла от мечтательной восторженности и ожидания. Смирилась, что ли, со своей участью. Думать о том, что, может быть, вся моя жизнь вдруг пойдет по-другому и в самом неожиданном направлении, я просто-напросто не стала. Мечты прекрасны, только пока они не разобьются. «Надежды хороши, а наличные — лучше», — любила приговаривать Марина. Сколько раз я обманывалась в своих ожиданиях! Нет, нужно жить только реальными заботами. Так говорила я себе.

Глава четвертая

Однако на следующий день утром моему лирическому настроению пришел конец. Не успела я приготовить завтрак, как раздался телефонный звонок. Звонил наш директор Пал Саныч. Он попросил меня приехать на работу. Просто так утром в субботу никто, конечно, звонить бы не стал. Но я подумала, что все дело в этой московской выставке. Срочно понадобилась какая-то информация или нужно было что-то найти в фонде. Голос Пал Саныча хоть не предвещал ничего хорошего, но особенно взволнованным мне не показался.

Я собиралась пойти с Катюшкой в магазин, купить ей теплую зимнюю шапочку и ботинки. Мы быстро перекусили и помчались с Катериной сначала ко мне на работу, а потом по другим делам. В фонде я оставила дочку у дверей, около лестницы, велела ей обождать немного.

Однако картина, которую я застала, поднявшись в фонд по лестнице, заставила меня вздрогнуть от нехорошего предчувствия. Опершись о стеллаж, безутешно, истерически рыдала Зоя. Пал Саныч, без очков, одетый по случаю выходного в уютный пуловер и джинсы, ходил из угла в угол с растерянным и раздосадованным видом. Серафима Петровна, как туча, нависала над бедной Зоей и строго ее убеждала:

— Без истерики, пожалуйста, сосредоточьтесь и постарайтесь все вспомнить.

— Нечего мне вспоминать! Нечего, — сквозь слезы отвечала Зоя.

В фонде присутствовал также Сергей Наумыч. Он резко сказал Серафиме Петровне:

— Да отстаньте вы от девочки. Я уверен, что она ничего не знает и ни в чем не виновата.

Я так и села. Как и всякий хранитель, я живу в постоянном страхе: вдруг да что-нибудь случится с фондом. Неужели опять протечка?

— Говорите сразу, — потребовала я, — что пострадало?

Серафима Петровна патетически воздела очи горе и, тяжело вздохнув, заявила:

— Случилось небывалое. Кража! Кража из фонда! И самое ужасное, что подозрение пало на нас. Да-да! Все мы под подозрением, по крайней мере, как сообщники воров. Вынесли из-под носа! — выкрикнула она тоненьким голоском.

— Серафима Петровна, — одернул зама Пал Саныч, — нечего бросать тень на сплоченный и работоспособный коллектив. Следствие во всем разберется.

— Следствие? — упавшим голосом переспросила я.

Ноги мои окончательно стали ватными, в ушах загудело, сердце застучало часто и отрывисто. Я обратила внимание на двоих неизвестных мне молодых людей, которые тишком делали свое дело: один из них внимательно осматривал мой письменный стол и пространство вокруг стола, а другой проверял прочность решеток и запоров на окне.

— Оперативники, — подойдя ко мне, шепнула Серафима Петровна, — пришлось заявить в полицию. Думаю, это надолго.

— Как ваше давление, Ангелина Васильевна? — на миг прекратив всхлипывать, поинтересовалась Зоя.

Я не сразу поняла:

— Давление? Какое давление? Да говорите же толком, в чем дело.

Из сбивчивого рассказа, который повели все разом: и Зоя, и Серафима Петровна, и Пал Саныч — стало ясно, что пропала пелена «Успение Богородицы». Та самая, что вчера преспокойно лежала на столе. В какую пору произошла пропажа — никто не мог сказать с полной достоверностью. Зоя утверждала, что пелена все время так и лежала на столе. Убрать пелену в сейф как особо ценный предмет она забыла. Все двери,

уходя, Зоя закрыла как положено, на все замки. Ключи, как и предписано инструкцией, отдала на вахту. Уходила Зоя с работы, по ее словам, в седьмом часу. Уже смеркалось. Отчего-то ей всю ночь спалось беспокойно. Тревога нарастала. «Бывает такое, предчувствуешь беду. Отчего — сама не знаешь», — пояснила Зоя. Хотя дел никаких у нее в субботу в фонде не было, она пришла на работу с утра. Тут-то и обнаружила, что пелены как вовсе не бывало. Не поверив своим глазам, Зоя бросилась искать бесценный предмет. Все на месте, а пелены нет. Перевернув все, Зоя в слезах позвонила Серафиме Петровне и главному хранителю Наталье Николаевне. Те подняли тревогу. Сообщили Павлу Александровичу, в полицию. Последними, как специалистов, на место происшествия вызвали меня и Сергея Наумыча. Криминалисты меж тем работали основательно и без суеты. Я просто взвыла, осознав, что произошло. Зоя — громче того.

— Мама, что случилось? — крикнула Катюшка с лестницы.

Я побежала вниз. Быстро объяснила дочке, что Зоя, по-видимому, положила нужную вещь не туда, мы скоро найдем пропажу и я вернусь домой. Строго-настрога наказала Катюшке идти домой, никуда не сворачивая, и вновь поднялась наверх. Дочке ничего не оставалось, как плестись прочь. Любопытство ее просто-таки разжигало.

Я попробовала еще раз сопоставить и проанализировать факты. Сергей Наумыч подтвердил, что вчера до обеда пелена лежала на столе. Он был в фонде и видел вещь своими глазами все это время. А с обеда до вечера Зоя находилась в фонде одна. По ее словам, в течение нескольких часов она сидела за письменным столом, около пелены, разбирала каталожные карточки.

— Я заходила в фонд в пять часов сорок пять минут, — сообщила Серафима Петровна. — Запись в журнале об этом имеется. Могу засвидетельствовать, что пелена тогда преспокойно лежала на столе. Я, помнится, сделала замечание Зое. Такие ценные вещи нельзя держать на виду. Зоя закивала.

— А сейчас следователь беседует с Наталией Николаевной. Мне он уже сделал внушение, и весьма строгим тоном, — сообщил Пал Саныч. —

Так что готовьтесь. По этому делу придется давать показания каждому из нас.

Воцарилось мрачное молчание.

— Позор! — с нажимом сказал директор. — Просто в голове не укладывается.

— У-у-у-жас! — прогудела как паровоз Серафима Петровна. — И это накануне выставки в Москве. Что будем делать?

Зоя, словно вопрос был адресован только ей, вновь опустила глаза и залилась слезами:

— Я во всем виновата!

— Нет, — возразила я, — если бы я вчера не ушла на целый день, этого бы не случилось.

— Да бросьте вы, — вмешался Сергей Наумыч. — Загадка, как такое вообще могло случиться. Ведь все заперто так, что мышь не проскочит. Замки и решетки не повреждены. Сигнализация исправна. Ведь так? — спросил он оперативников.

Те подтвердили.

— Чудеса в решете! — развел руками Наумыч.

Все вновь приумолкли.

— Вспомните, — потребовала Серафима Петровна, — что примечательного произошло в пятницу?

— Ничего, — пожала плечами Зоя.

— Рассказывайте по порядку! — распорядился Пал Саныч.

Все посмотрели на Зою. Размазав по щекам слезы, она начала:

— На работу я пришла, как обычно, в девять. Без опозданий. Потом, минут через пятнадцать, в фонд зашел Сергей Наумыч.

— Зачем? — спросила Серафима Петровна.

— Я составляю план работы на перспективу. Хотел взглянуть на некоторые иконы, — ответил Сергей Наумыч.

— Ангелина Васильевна пришла минут 20 десятого.

— Опаздываем, — вздохнула Серафима Петровна, посмотрев в мою сторону.

— Она плохо себя чувствовала. Из-за давления. Вскоре ушла, — продолжала Зоя.

Серафима Петровна покачала головой, дескать, угораздило же меня не ко времени слечь с гипертоническим кризом.

— Ну и как вы провели вчерашний день? — спросил Пал Саныч у меня.

Я смутилась. Зажмурилась, чтобы признаться во всем единым духом. Не люблю и не умею

врать. По мне лучше сказать правду. Да и, в конце концов, отсутствие на работе без уважительной причины — не уголовное преступление. «Расскажу все честно, мол, гуляла за городом в безлюдном месте с практически посторонним мне мужчиной», — решила я. Но тут Сергей Наумыч возмутился, не дожидаясь моего ответа, проговорил с укоризной:

— Как провела? Неужели вы думаете, что человек, у которого давление зашкаливает за 200, годен на что-нибудь иное, кроме как лежать пластом?

Я кивнула, не говоря ни слова.

— Так вы весь день были дома? — уточнила Серафима Петровна.

— Да, — соврала я.

Врать вообще как катиться с горы. Стоит начать — не остановишься. Но, пораскинув мозгами, я поняла, что втравлять в это дело Енсена совершенно ни к чему. Он-то тут ни слухом ни духом, а ведь привлекут его еще чего доброго в качестве свидетеля.

— Я вам звонила, — строго сказала Серафима Петровна. — Раза два в течение дня. К телефону никто не подошел.

— Я отключила телефон, приняла лекарство и вырубилась до вечера, — быстро ответила я.

«Была не была, авось пронесет», — подбодрила я себя.

— Между прочим, вам, Ангелина Васильевна, вчера звонил какой-то мужчина, — припомнила Зоя.

— Да, — кивнул Сергей Наумыч, — утром звонил сын Ангелины Васильевны. Спрашивал о ее самочувствии.

— Нет, — возразила Зоя, — когда Ангелина Васильевна уже ушла, был другой звонок. Приятный мужской голос.

— Что он сказал? — спросила я.

— Ничего. Просто спросил вас. Я ответила, что вас нет и не будет целый день, потому что вы заболели. Вот и все. Впрочем, это, наверное, не имеет значения.

Вновь повисло молчание.

— Что-то слишком долго этот следователь допрашивает нашу Наталию Николаевну, — озабоченно проговорил Сергей Наумыч.

— Допрашивает! — поежилась Зоя.

Пал Саныч грустно заметил:

— Да-да, именно. Следующая очередь ваша, Зоя.

— Нет, — заявила я, — пусть уж лучше следующей буду я.

— Этот мент сам распорядится, кому идти на допрос, — сощурилась Серафима Петровна. — И как знать, что здесь имеет значение, что — нет. Вот мне помнится, Зоя, что, когда я зашла в фонд в конце рабочего дня, вы с кем-то тоже разговаривали по телефону.

— Да, но разговор был личный, — ответила Зоя. — Он к делу не относится.

— Конечно, личный, — подтвердила Серафима Петровна. — Вы мило болтали, по-моему, со своим молодым человеком, кажется, о планах на вечер. Куда-то собирались пойти, не так ли?

Зоя неожиданно вспыхнула как спичка и взглянула на Серафиму Петровну с неприязнью:

— Это никого не касается. Я в свободное время встречаюсь с кем хочу. Неужели непонятно, что тот разговор тут совершенно ни при чем.

— Ну ни при чем, так ни при чем, — пожала плечами Серафима Петровна. — Зачем так кричать? Я понимаю — нервы. Все мы ужасно расстроены, но нужно держать себя в руках. Готовьтесь, милочка, этот следователь расспрашивает буквально обо всем. Со мной он был очень жестким.

Мне стало не по себе. Зоя заплакала снова. Некоторое время был слышен только стук будильника на письменном столе да ее всхлипы. Появилась хмурая Наталия Николаевна. За ней — мужчина в кожаном пиджаке и потертых джинсах. С виду этот следователь не казался суровым: стрижка ежиком, мелкие черты лица, невысокий рост. И голос у него, как оказалось, тихий и вкрадчивый.

— Вы Ангелина Васильевна Одинцова? — обернулся он ко мне.

Я кивнула. Следователь представился:

— Олехов Вячеслав Николаевич. Извините, что вас пришлось побеспокоить в выходной.

— Скажите, Вячеслав Николаевич, а сколько вам лет? — поинтересовалась Серафима Петровна.

— Двадцать восемь, — ответил он.

Серафима Петровна посмотрела на него несколько сверху вниз, тем более что и ростом она была повыше, и осанкой посолиднее.

— А выглядите вы моложе. Именно вы будете вести это дело, я правильно поняла?

— Да, именно я, — сказал следователь.

— И вам доверяют такие сложные дела? — Серафима Петровна с сомнением покачала головой.

Вячеслав Николаевич только усмехнулся в ответ.

— Вы и дальше будете беседовать с каждым в отдельности или есть резон задавать вопросы разом всем? — спросил Пал Саныч.

— Я бы предпочел познакомиться с каждым поближе, — сказал Олехов. Располагающая улыбка на лице следователя намекала на то, что знакомство это будет не из приятных.

— Тогда я попросил бы вас в следующую очередь поговорить со мной. Я весьма занят. Тороплюсь, — проговорил наш директор, всем своим видом изображая озабоченного общим делом и загруженного обязанностями под завязку руководителя. — Но прямо сейчас и во всеуслышание я хотел бы заявить, что никого из своего коллектива не подозреваю ни в чем, — продолжал Пал Саныч. — Уверен: кража совершена человеком или людьми со стороны. Мы все глубоко потрясены случившимся. Приложим все силы, чтобы содействовать вам в поиске преступников. И имейте в виду: под угрозой срыва выставка в Москве. Нужно принимать самые срочные меры. Самые срочные.

— Хорошо, — ответил следователь и жестом предложил Пал Санычу пройти в закуток для разговора.

Как только следователь и директор ушли в помещение, отгороженное стеллажами, все примолкли. Стали прислушиваться.

Поскольку оба собеседника говорили громко, были слышны голоса: спокойный и вкрадчивый дискант следователя и поставленный баритон директора. Но о чем шла речь, понять было невозможно. Вероятно, директор в чем-то убеждал Олехова, а тот задавал наводящие и уточняющие вопросы.

— О чем он вас спрашивал? — спросила у Наталии Николаевны Серафима Петровна, понизив голос.

Та не сразу ответила:

— О чем только не спрашивал. Потребовал, чтобы я растолковала ему чуть ли не все наши должностные инструкции, по пунктам, интересовался расположением помещений в фондах, что где хранится, подробно расспросил о

каждом из вас. Интересовался, разумеется, и пеленой. Но я сказала, что на этот счет его просветит в полной мере Ангелина Васильевна. К концу беседы, вернее допроса, я уже почти осипла. Битый час он меня пытал. Молодой, а дотошный.

— И какое у вас сложилось впечатление? — еще тише проговорила Серафима Петровна.

— Впечатление? О чем? — Наталия Николаевна с грустью развела руками. — Поздравляю, все мы вляпались. Получается, что никто кроме нас эту пелену вынести не мог. А мы — за милую душу. Под особенным подозрением — Зоя. Поэтому тот зануда, как видно, и приберегает ее напоследок. Для душевспасительной беседы.

Пожалуй, Наталия Николаевна была спокойней и уверенней нас всех. Не нервы у нее, а канаты.

— Между прочим, вы, Наталия Николаевна, вчера оставались в музее допоздна, — не сдержав невольный вздох, сказала Зоя, — вы ведь тоже вполне могли открыть дверь и вынести пелену. Вам, как главному хранителю, доступны все ключи в любую минуту.

— Могла бы, — согласилась Наталия Николаевна, — чисто теоретически.

— Стоп! Бог знает, как далеко мы зайдем в своих теоретических предположениях, — поежилась Серафима Петровна. — И как это вам удастся, Наталия Николаевна, сохранять присутствие духа в таких обстоятельствах?

— Я всегда готова к худшему, — ответила наш главный хранитель. — Дрожать за каждый музейный предмет — мой крест до пенсии. Утешает одно: нет таких самых запутанных краж, которые нельзя бы было распутать.

Разговор следователя с нашим директором оказался куда короче, чем допрос Наталии Николаевны. Вскоре оба они появились, весьма довольные друг другом.

— Чрезвычайно рад был познакомиться, хотя жаль, что обстоятельства столь печальны, — раскланивался Пал Саныч, — если понадобится моя помощь — звоните в любое время. Днем и ночью.

Он протянул собеседнику свою визитную карточку.

— Спасибо, — ответил Вячеслав Николаевич, — возникнут вопросы — позвоню обязательно.

Директор ушел, окинув нас на прощание обод-

ряющим взглядом, а следователь изучающе посмотрел на меня. И я поняла, что настала моя очередь идти на допрос.

В закутке за стеллажом Вячеслав Николаевич Олехов сел за невысокий столик — антикварный, между прочим, предмет, стиль ампир — окинул взглядом разложенные на столе бумаги и указал мне на обшарпанное низкое кресло рядом. Я вспомнила, что психотерапевты тоже предпочитают усаживать своих пациентов в низкие кресла с подлокотниками. Во-первых, сидя в таком кресле, невольно расслабляешься, а во-вторых, смотришь на собеседника снизу вверх и, значит, быстрее проникаешься доверием к нему. Следователь начал допрос с простых уточнений: как меня зовут, давно ли я работаю в музее, где живу. Я отвечала машинально, ожидая, когда он начнет спрашивать о главном.

— Как могло так получиться, что вещь исчезла из наглухо запертого помещения? — наконец после паузы спросил он и глянул на меня так, будто это я стащила пелену.

— Не знаю, — ответила я.

— Мы оба не верим в чудеса, — Вячеслав Николаевич по-прежнему смотрел на меня в упор, изучая мою реакцию.

Он достал пачку «Мальборо», вытащил одну сигарету, пососал ее в задумчивости, но не закурил, даже не полез в карман за зажигалкой.

— Знаю, курить здесь нельзя, — успокоил он меня. — Но с сигаретой в зубах мне почему-то лучше думается. Не возражаете?

Я пожала плечами. Не очень-то внушительен этот молодой человек для следователя. А Вячеслав Николаевич вернулся к прерванному разговору. Наша беседа, несмотря на суровое начало, все меньше походила на допрос.

— Итак, придется искать всему происшедшему логическое объяснение, — сказал он. — Чем больше я буду знать о пропавшей вещи, тем быстрее смогу что-то предпринять.

И он со вниманием выслушал мои пояснения о пелене. Я прочла целую лекцию о строгановской школе лицевого шитья, к которой исчезнувшая пелена принадлежала, об особенностях техники златошвей.

— Теперь я представляю, что, собственно, произошло, — сказал Вячеслав Николаевич.

— Нет, — возразила я, — вы не представляете. «Успение Богородицы» это не только совер-

шенная по замыслу и мастерству работа. И не просто вещь, пережившая века. Знаете, мастерицы, прежде чем браться за такие пелены, истово молились и постились втайне, а потом годами корпели над работой, искалывая в кровь пальцы иглой и теряя зрение. Говорят, вышивальщицы притягивали к себе таким образом тонкую энергию. Иначе сказать — благодать. А благодать дается только за лишения и за чистоту поступков и помыслов, почти невозможную в нашей суетной жизни. Она-то, благодать эта, и светится в пелене.

— Вы не искусствовед. Вы поэт, — иронически усмехнулся следователь. — Давайте по существу. Кто видел эту пелену и знал о ее особой ценности?

— Да боже мой, весь свет знал! — воскликнула я. — Странно, что вы ее не видели. А наверное, с детства живете в нашем городе. Пелена ведь висела в экспозиции. Только день назад ее сняли. И я экскурсантам сколько раз твердила о том, какое это бесценное произведение, какая тонкая работа. А уж о специалистах и говорить нечего — все они знают о том, что у нас хранилось за сокровище.

Следователь кивнул. Уточнил:

— Иностранцы коллекционеры могли бы заинтересоваться этой пеленой?

— Обижаете, да они не могли не заинтересоваться. В иностранных частных коллекциях и музеях таких вещей наперечет. Иконы наши и то лучше представлены. Хотя и они — редкость большая.

— А между тем икону-то вывезти нелегально за границу посложнее, чем пелену. Ведь доску не сложишь, за подкладку пиджака не спрячешь.

Олехов посерьезнел лицом, резко смял сигарету, оставив ее на блюде. В кофейной чашке, я это уловила по запаху, остыл не плохонький растворимый кофе, который пивали мы с Зоей, а отличный бразильский. Очевидно, это Наталия Николаевна угостила сыщика. Она мастер готовить кофе и пьет только самый лучший. Впрочем, при чем тут кофе. Я гнала от себя мысль о том, что пелена может быть переправлена за рубеж и навсегда потеряна для нас.

— У кого из сотрудников музея есть знакомые иностранцы? Или выходы на зарубежные организации, фонды? — поинтересовался следователь.

«Боже, Енсен! — пронеслось в моем сознании. — Ведь дознается этот дошлый тип, что я гуляла по-над речкой с иностранным подданным. Угораздило же меня!» Однако я про Енсена решила молчать намертво. Сама буду отдуваться. Норвежский консервщик рад не будет, что попал нечаянно в такой переплет. Подумав, ответила я так:

— И директор, и Наталия Николаевна, и Се-рафима Петровна постоянно общаются с иностранцами: с коллегами, с сотрудниками благотворительных и общественных организаций. Наш музей ведь не раз участвовал в международных выставках.

— Кого вы подозреваете в краже? — спросил следователь прямо после минутного гнетущего молчания.

— Никого, — ответила я уверенно. — Более того, я полагаю, что никто из наших сотрудников не может быть причастен к ней.

— Это, собственно, почему? — хмыкнул Олехов.

— У нас работают честные и преданные своему делу люди. Вы не представляете себе, что значит для настоящего музейщика пропача такого шедевра, как эта пелена.

Вячеслав Николаевич в задумчивости покачал головой и мрачно возразил:

— Факты говорят об обратном. Кто-то из вас, музейщиков, по крайней мере, здорово помог вору.

— Да как вы можете! — возмутилась я. — Кто помог? Что значит «по крайней мере»? Неужели вы думаете, что кто-то из нас — отъявленный жулик. Взял да и стянул бесценную вещь?

Олехов пожал плечами:

— Следствие покажет. В питерском музее, знаете ли, хранительница, хрупкая, между прочим, женщина, вроде вашей сотрудницы Зои Березиной, сговорившись с ворами, несколько месяцев подряд раскачивала незаметно тяжелую мозаичную картину, чтобы ее можно было быстро и беспрепятственно снять со стены. Несколько раз в день, проходя мимо, эта, с позволения сказать, хранительница как бы незаметно толкала мозаику. Капля, известно, камень точит. Вот крепление и ослабло. А потом эта же особа и пустила похитителей в музей. Никто на нее не мог сначала по-

думать, тем более что убивалась из-за кражи она весьма натурально. Только поэтому следствие и пробуксовывало долгое время.

Я не нашлась, что возразить на это. А следователь продолжал сурово и сдержанно:

— Что вы можете рассказать о Зое Березиной? Но, пожалуйста, только факты.

Я задумалась на минуту. Неужели Зоя действительно главная подозреваемая? Это никак не укладывалось у меня в голове.

Она работала у нас в скромной должности пять лет. Поступила в музей почти сразу же, как только приехала из захолустного поселка, расположенного в стороне от проезжих дорог. Поселок славился прежде расписными деревянными изделиями — прялками да туесками. Теперь же захирел: ни промышленности, ни культурных заведений. Население пьет, молодежь разбегается. Скромная и тихая Зоя аккуратно исполняла свои обязанности и звезд с неба, что называется, не хватала. В музей на работу она попала едва ли не случайно: возвращаться домой, после того как провалила экзамены на истфак в университет, ей очень не хотелось. Работать где-то надо — вот и устроилась к нам, понадеявшись поступить на заочное отделение. Вызубрив неправильные английские глаголы и позанимавшись со мной по истории и русскому, Зоя стала все-таки через год студенткой-заочницей истфака. Учеба давалась ей не очень-то легко. Она изо дня в день корпела над контрольными и рефератами, но писала каким-то тяжелым слогом и без видимого увлечения. Честно говоря, мне казалось всегда, что удел Зои — техническая работа. Перебирать каталожные карточки, хлопотать в фондах, наводя порядок, она могла без конца. Главное же Зойкино призвание, как и любой женщины, — это, конечно, семья, дети. Женой и матерью она могла бы быть идеальной. Привязчива, домовита, немногословна. Вот это я и поведала Олехову. Выслушав мой короткий рассказ, следователь уточнил:

— А какие-то претензии к Березиной были? По работе или в человеческом плане?

— Она старалась всегда, — ответила я. — Знаний, профессионализма, естественно, ей пока не хватает.

— А в деньгах Березина не нуждается? В каких условиях она живет? — последовал вопрос.

— Нуждаться — не то слово. Зарплаты у нас — смех. А Зойкина зарплата — как у уборщицы. Живет она у бабули-дворничихи. Та сдает ей угол не столько за деньги, сколько за помощь. Зоя по утрам еще и вместо этой бабули улицы метет и белье ей стирает, — ответила я.

Следователь взял это на заметку и стал меня расспрашивать о личной жизни и о знакомых Зои. Я постаралась, насколько возможно, быть немногословной. Тем более, что Зоя не особенно-то со мной откровенничала. Я сказала только, что молодой человек у нее, кажется, есть. Но кто он и чем занимается, я не знаю. Кто разберет, чем занимается теперешняя молодежь. Работают, кому удалось устроиться, порой в нескольких местах, а то и сами открывают какое-то дело. Иные так болтаются без работы и без перспектив. У нас же в юности перспективы были ясные, словно на ступеньку эскалатора встал и поехал: школа, вуз, распределение. Следователь был не расположен слушать общие рассуждения. Я прибавила к этому только одно: Зоя — девушка скромная, серьезная, благоразумная. По натуре — однолюбка. Воспитание провинциальное и характер спокойный. Тут Олехов заявил, что он не в монастырь Зою рекомендует и характеристика такая ему не нужна. Нужны объективные данные. А с этим, увы, не густо.

— Вы расспросите ее саму, — ответила я.

Тут въедливый следователь, демонстративно отложив в сторону листочек с протоколом, заметил как бы между прочим:

— Надеюсь, своих-то знакомых вы помните по фамилиям. Вы не замужем?

«Господи! — пронеслось у меня в голове, — неужели мне придется рассказывать и про свою личную жизнь. Кто же поверит, что ее-то у меня и нет вовсе? С бывшим мужем я вообще, можно сказать, раззнакомилась — и слава богу. Катюшкин отец после нашего громкого развода и раздела имущества кричал, что ноги его у меня больше не будет, а вместо алиментов я получу шиш. Слово свое он сдержал».

— Вам представить полный список всех, с кем я общаюсь? — спросила я.

— Да нет, конечно. Просто вспомните, кто из ваших знакомых интересовался пропавшей вещью? Кому вы говорили, что в пятницу она будет находиться у вас в фонде? Ведь из витрины в

зале, где постоянно дежурит смотритель и включена сигнализация, выкрасть ее куда сложнее. Скорее всего — невозможно. Насколько я понял, именно вы решали, когда достать из витрины пелену. Ведь московская выставка — это ваша забота, и подготовкой командуете вы.

Я задумалась. Получается, что о пелене я говорила Енсену. Больше, пожалуй, никому. Неприятная мысль не переросла в подозрение, но засела в сознании, как я ни гнала ее от себя. Словно заноза. В конце концов, я решила, что это вздор, не может Енсен быть причастным к краже. Но мое минутное замешательство не укрылось от глаз Олехова.

— Хорошо, — прервав затянувшуюся паузу, сказал он. — Подумайте об этом, пожалуйста. Если что вспомните — звоните. Это, я полагаю, не последняя наша беседа.

Он протянул мне свою визитную карточку. Я невольно вздохнула с облегчением: допрос был закончен. Однако, как дал понять Олехов, главный разговор, возможно, впереди. Следователь проводил меня до стеллажа и попросил:

— Будьте любезны, пригласите ко мне Зою Березину.

«Вежливый, садист! — подумала я. — Бедная Зойка полдня в слезах ждет неприятной беседы и трясется как заяц. Он нарочно, видимо, тянет время, чтобы истомить девчонку. Думает, что так легче добиться правдивых показаний». В том, что Зоя не виновата ни в чем, я ни минуты не сомневалась. Да и во всей компании, попавшей под подозрение, я была уверена, как в себе самой. Наталия Николаевна скорее отдаст руку на отсечение, чем поживится хоть ниткой из фондов. Она хранитель по натуре. Уверена, что, несмотря на ее видимое спокойствие, пропажу она переживает как личное горе и обиду. О Наумыче, главе нашей школы реставраторов, и говорить нечего. Смешно представить, чтобы он покусил на такое. Серафима Петровна хоть и крута бывает, да и специалист по древнерусскому искусству никакой, но не корыстна по натуре. За чем ей пачкаться, встреча в такое дело? А для директора вся эта кутерьма с пропажей вообще неприятности на грани инфаркта. На выставку в Москве он возлагал большие надежды. Ходили небезосновательные слухи о том, что он метит на повышение. Получается, что Зоя,

как ни суди, слабое звено. А кто следующий? По всему — я. Пригласив Зою к следователю, я тяжело опустилась на стул. Невеселые мысли роились в голове, вызывая нестерпимую боль в висках. Сердце стучало так, что я чувствовала каждый удар.

Зоя незаметно перекрестилась и пошла на допрос, как овечка на заклание. Она бросила на меня такой умоляющий взгляд, что душа перевернулась. Я вновь припомнила, что же, собственно, поведала следователю про Зою. Кажется, мои показания ни в коей мере нельзя использовать против нее. Меня одолевала жажда, сил не было никаких. Подступала противная тошнота.

— Ну что? — спросил Сергей Наумыч. Я только махнула рукой.

Сергей Наумыч сочувственно покачал головой, налил мне воды.

— Может, капель накапать? — спросил он. — Идите-ка вы домой. Сегодня все равно ничего уже не случится. Эти криминалисты шустрые ушли уже.

Я отказалась от капель. Мол, ничего страшного, пройдет. Но головная боль мучила нестерпимо. В глазах замелькали черные мушки, и я не заметила, как рухнула со стула. Как оказалось, я потеряла сознание минуты на две. В чувство меня привела Наталия Николаевна, опрыскав водой из графина. Когда я очнулась, Сергей Наумыч вызывал скорую. Лежа на полу в неудобной позе, я тем не менее тут же сообразила, где нахожусь, и припомнила все.

— Довели человека, — ворчал Сергей Наумыч.

— Сволочи, — воскликнула Наталия Николаевна, — ах, найти бы воров, удушью своими руками. Честное слово.

Врач скорой, подоспевшей на удивление быстро, намерил мне высоченное давление. Предложил ехать напрямиком в больницу на обследование. Я запротестовала. Какое обследование, когда такое творится! Врач велел фельдшеру сделать мне укол и равнодушным тоном сказал:

— Ваше дело. Давайте мы вас хоть до дому доведем.

Я поехала домой на скорой, так и не узнав, чем закончилась беседа Зои со следователем. Дома меня встретили взволнованные до предела дети. Катюшка попыталась выведать, что же, собственно, произошло в музее, но Саня

выгнал ее из комнаты, видя мое состояние. Он велел мне прежде всего лечь и отоспаться. Я, мало что соображая, рухнула на кровать и через минуту впала в тревожное забытье. Подействовал укол.

Мне снились плачущая Зоя, беспрерывно звонящий телефон, пропавшая пелена, которую почему-то обнаружили в нашем доме под той кроватью, на которой я спала. Потом, словно отмотали назад киноленту, всплыли в сознании все события вчерашнего дня. Мое свидание на лоне осенней природы с Енсенном. Каждое слово — мое и его — припомнилось вдруг удивительно отчетливо. И вновь — Зоя. Енсен. Енсен и Зоя. Почему эти двое? И при чем тут телефон, который звонит едва ли не ежеминутно. Даже в беспокойном сне, будучи не в силах открыть глаза, сказать хоть слово, я слышала эти отрывистые звонки и понимала, какая карусель завертелась из-за этой пропавшей пелены. Сколько прошло времени, я не чувствовала, но когда наконец открыла глаза, увидела Марину, которая сидела у моей кровати. Я была укрыта теплым пледом.

— Ну что, пришла в себя? — сказала она. — Сейчас давление померим.

— А который час? — спросила я.

— Четыре, — ответила Марина. — Ты лежи.

— Как ты догадалась приехать?

— Да вот дай, думаю, навещу подругу. Как чувствовала, что ты тут почти без чувств валяешься. С гипертонией не шутят. Сколько раз тебе говорила. — Марина измерила мне давление. Покачала головой.

— М-да. Саня мне сказал, что у вас там, в музее, заварушка какая-то. Хочешь совет? Наплюй на все. Тебе сейчас в самый раз залечь на дно, как подводной лодке. Ничего — без тебя разберутся. Самое лучшее — лечь к нам в отделение. Завтра же я это устрою. Поколют тебе смесь Петрова, поделают массажик, будешь ты у нас как новенькая. И чтоб никаких волнений.

Марина работала медсестрой в психиатрической больнице, в отделении невротозов. Там лечили больных от депрессии, возились с истеричками, завязавшими алкоголиками — словом, контингент еще тот. Марина, насмотревшись на своих пациентов, утверждала с полным основанием, что все болезни от нервов.

— Учти, — предупредила она. — Потом спох-

ватишься, хуже будет. Здоровье не вернешь. Все остальное — веники.

Я покачала отрицательно головой. Ложиться в психбольницу, убоявшись грядущих неприятностей, не по мне. Да и изведусь я вся там, не зная толком, что происходит и как продвигается расследование.

— Ну и зря! — Марина убрала все свои медицинские причиндалы. — Тогда хоть я тебе уколы поделаю. От давления. Никотинку и все такое, что обычно в таких случаях выписывают врачи.

В комнату заглянул Саня. Он улыбнулся мне:

— Как? Оклемалась немного?

— Разве что немного, — ответила за меня Марина. — Слушай, я так ничего и не поняла из Санькиного объяснения. Что там у вас случилось-то? Что пропало? Расскажи толком.

Я, не поднимаясь с кровати, прикрыла глаза ладонью, собираясь с мыслями. Саня запротестовал:

— Нет, подробный отчет — это потом. Сначала надо поесть. Ведь она с утра ничего не ела.

Марина согласилась с этим и пошла разогревать обед. Мне есть не хотелось нисколько. Только пить. Вместо обеда я попросила заварить крепкого чаю. Но тем не менее через десять минут тарелка шей дымилась на столе.

— Садись ешь, болящая, — распорядилась Марина. — Я как медсестра утверждаю, что хороший обед еще никому не вредил.

Саня дал мне подробный отчет, кто звонил и зачем, пока я лежала в полудреме. Я его приучила фиксировать все телефонные звонки.

Во-первых, звонили, как оказалось, с работы: Наталия Николаевна и Сергей Наумыч. Она, наверное, чтобы обсудить ситуацию, а он — узнать, как я себя чувствую. Добрейшей души человек. Потом позвонила Зоя. Объявился и Енсен. Представился по телефону по всей форме. Я ему дала свой домашний номер, чтоб не беспокоил меня на работе.

— Ему-то, надеюсь, ты ничего не рассказал? — спросила я Саню.

— С ним разговаривала Катюшка, — ответил он. — Она просто сказала, что тебе нездоровится. Кроме того, звонила Лиза. Скоро придет.

— Так, — Марина посмотрела на меня укоризненно. — Кто такой этот Иезен или как его там? И что это за имечко? В конце концов — что за тайны мадридского двора?

— Потом объясню, — ответила я, принимаясь за щи со сметаной. Немного собравшись с мыслями, я спросила Саню:

— А визит этой твоей Лизы — это неизбежно? Может быть, отложим хотя бы до завтра. Мне кажется, я могу и не выдержать такого наплыва посетителей.

— Тем более, что тебе придется подробно рассказать обо всем мне, — вмешалась Марина. — Тут такие дела творятся, а я ничего не знаю.

После того как я съела тарелку шей и выпила чаю, моя преданная подруга заявила:

— Ты как хочешь, но я просто-напросто никуда не уйду, пока ты мне не объяснишь все толком. Какая такая штукавина пропала в вашем музейном хозяйстве, что за фрукт этот Енсен и откуда он взялся?

Пришлось поведать обо всем по пунктам. Сначала коротко о Енсене. Я рассказала в двух словах историю нашего знакомства, про обед в ресторане и поездку на природу. Описала по просьбе Марины его внешность и манеры. Потом я поведала подробнее про пропавшую пелену. Изложение всех обстоятельств злодейской кражи заняло не так уж много времени. Меня внимательно слушали все. К тому моменту, когда речь шла о пропаже пелены, пришла Лиза. Она больше всех охала и ахала, почувствовав, что произошло чрезвычайное событие. Марину же больше волновал Енсен. Ее интересовало все: женат ли, богат ли, брюнет или лысый?

— Господи! Да неужели тебе наконец-то повезло! — воскликнула она, суммировав информацию, как компьютер.

Катюшка вдруг заревела басом.

— Ты что? — спросила ее озадаченная Лиза.

— Да, — всхлипывая, протянула Катюшка, — тебе-то все равно. Не у тебя мама замуж выходит. Да еще за чужого иностранца из-за границы.

Хотя было и не до смеха, но рассмеялись все.

— Какое замужество? Что ты городишь? — возмутилась я.

А Марина сморщила лоб, напряженно сводя концы с концами в этой запутанной истории. Моя больная голова шла кругом. За какие-то несколько дней на меня свалилось столько: и Енсен, и пропажа бесценного экспоната из моего, между прочим, фонда. Годами живешь безбедно, и вдруг... Марина часто угадывала мои мысли.

– Так, – сказала она. – Тут явно что-то нечисто. Ты отправилась очертя голову с этим типом сама не зная куда...

– Вот видишь, – вскоčila Катюшка, – значит, он тебе нравится.

– Да погоди ты! – одернула ее Марина. – И в этот же день эта вещица пропала бесследно? Так?

– Так, – согласилась я.

Марина озабоченно покачала головой:

– Будь ты на месте, ты бы и с головной болью – да даже при смерти – присмотрела бы за штуковиной. Я тебя знаю. Хотя ты и растяпа, но мимо тебя ничего подобного не пронесешь. Выходит, тебя нарочно убрали. При помощи Енсена. Или...

Предположение, что Енсен мог быть причастен к краже, так возмутило меня, что я закричала:

– Нет, нет и нет! Это все случайное совпадение – и только. Уверена, он тут ни при чем.

Тут встала Лиза. Она-то во всех случаях оставалась хладнокровной и рассудительной. Видимо, беспокойная жизнь ее этому научила.

– Может быть, и так, – проговорила она, – но во всяком случае собрать информацию об этом Енсене не мешает.

Лиза принялась ходить взад-вперед, потирая виски, как бы собираясь с мыслями.

– Это первое. Второе. Насколько я понимаю, круг подозреваемых определен. Нужно разобраться с каждым из них. Есть ли алиби? Разумеется, Ангелина Васильевна подозреваемой быть не может...

Саня кивал в такт Лизиним словам. Ее приход явно прибавил ему уверенности. Умеет же девчонка все разложить по полочкам. Я ответила с грустной улыбкой:

– И на том спасибо.

– Пожалуйста, – пожала плечами Лиза. – Уверена, здесь нет никого, кто бы в вас сомневался. Но следствие, конечно, будет отрабатывать ваши связи. Ваше положение действительно ужасно. Помочь вам может только одно: нужно найти вора. Или воров.

Возразить было нечего. По-видимому, Лиза всерьез решила взяться за это дело. Я с сомнением сказала ей:

– Вы думаете, что справитесь с этим? Профессионалы встали в тупик. Следователь настроен, насколько я поняла, все свалить на бед-

ную Зою, мою помощницу. Но чтобы она краля? Вздор! Зойка даже денег старалась не занимать, а если занимала, то возвращала с зарплаты, не позднее. Она исключительно честная девушка.

Все задумались. Катюшка бросилась защищать Зою, которой всегда симпатизировала. Но к ее и моим словам остальные не очень-то прислушались.

– Что же это получается? – спросила озадаченно Марина. – Ангелина вне подозрения. Безупречный джентльмен Енсен – тоже. Зоя ни при чем. Честное слово, я поверю, что проклятая пелена, из-за которой такой переполох, сама по себе растворилась в пространстве.

Снова повисло неуютное молчание. Я призналась, что не сказала следователю всей правды. Умолчала про Енсена.

– Я считаю, что ты должна сказать все как есть, – заявила Марина.

– А если этот Енсен и в самом деле тут ни при чем? – спросила Катюшка. – Может быть, он и действительно просто-напросто решил жениться на маме? Из-за этого подводить человека? Хотя, конечно, нужен он нам, этот Енсен, как хвосту собаки банка.

Все вновь засмеялись. Только Марина с сомнением покачала головой. Лиза состроила серьезную мину, потерла в раздумье наморщенный лоб ладонью и серьезно сказала:

– В общем и целом ситуация понятна. То есть понятно, что ничего не понятно... Однако же надо что-то делать.

– А что мы можем поделать? – развела руками Марина.

Саня в недоумении заморгал, Катюха заерзала на месте. У нее наверняка в голове роились грандиозные идеи. Елизавета решительно продолжала:

– Сидеть сложа руки? Нет уж. Ждать, пока милиция распутает это дело, можно до второго пришествия. Нужно действовать самим.

– Что же ты предлагаешь? – спросил Саня. – Начать альтернативное расследование?

Елизавета обрадовалась этой мысли:

– Да-да! Именно. В точку! Похоже, мы думаем одинаково. Только ты юрист, у тебя на языке точное название, а я тут битых полчаса долдоню о том же.

— Но кто же будет заниматься этим альтернативным расследованием? — спросила я в недоумении.

— Я, — спокойно ответил Саня и заморгал, будто в глаз попала соринка. Он и в детстве не мог выносить без слез, когда меня обижали.

Однажды, еще дошкольником, он залез на высокое дерево у нас во дворе, а слезть побоялся. Я тогда бегала вокруг дерева и что-то вопила от страха за него, а он чуть не ревел на высоком суку. И в это время проходит мимо наш сосед и говорит мне этак свысока: «Что же вы так плохо за ребенком смотрите? А еще мамаша называется». После этих слов мой Саня с дерева вниз ухнул единым духом, все колени ободрал и набросился на соседа, со зла, а может быть, не рассчитав движения, боднул его в живот. Сосед скрючился, взыв от боли и неожиданности, а Саня закричал: «Никакая она не мамаша! Она моя мама!» И — в слезы. Я всегда смеюсь, когда вспоминаю этот случай. С тех пор в нашей семейке появилось присловье: «Еще мамаша называется». Так мои детишки реагируют на мои промашки. Мне показалось вдруг, что Саня крикнет: «Не могла она взять ничего без спросу! Она моя мама!» Лиза, как будто ничего другого и не ожидала от Сани, согласилась, что самостоятельное расследование необходимо:

— Правильно. А я буду тебе помогать. У Шерлока Холмса был Ватсон, у Пуаро — Гастингс. Только мисс Марпл работала одна. Но она женщина. Женщины вообще умные и выносливые. Я беру на себя сбор предварительной информации, техническую работу. Словом, буду на подхвате. А ты, Санечкин, будешь определять основную линию расследования.

Тут я схватилась за голову:

— Что вы мелете? Да если специалисты не справляются — вам подавно это не по силам. Кто вы? Двое недоучек пока что.

— Саня, между прочим, юрист. Будущий. Кое-что понимает в расследованиях. Я тоже. Как журналист, — обиженно возразила Лиза.

— Да он только-только вступительные экзамены сдал, — сказала я. — Какой он юрист? Вам вести расследование — это все равно что студентам первого курса медицинского института делать операцию.

Однако Саня и Лиза не сдавались. Дальше — больше. Катерина не усидела на месте. Она встала рядом с Саней и заявила:

— Я тоже с вами.

— Как это — с нами, — не поняла Лиза.

— Я тоже буду проводить расследование. Вот увидите, все у нас получится.

Саня на это криво усмехнулся:

— Но ты даже «Записки о Шерлоке Холмсе» не читала.

— Кино смотрела, — ответила Катюшка.

— Очень хорошо, — серьезно сказала Лиза. — Значит, ты понимаешь, что такое расследование и тебе можно поручить важное дело.

— Можно! — запрыгала от восторга Катюшка, — конечно, можно.

Лиза таким же серьезным тоном продолжала:

— А дело такое. Мы не сможем держать в поле зрения Ангелину Васильевну. А ей нужна помощь. Поддержка. Кроме того, преступники ведь не дремлют. Они могут выйти на след любого, кто на заметке у полиции. Чтобы получить нужные сведения или...

Катюха затаила дыхание:

— Что — или?

— Мало ли что. На то они и преступники. От них всего ожидать можно. Кто знает, что у них на уме.

Лиза значительно покачала головой. Саня понял ее и таким же внушительным тоном проговорил, обращаясь к Катерине:

— Так что все время будь рядом с мамой. Если заметишь что-нибудь подозрительное — сообщи мне. И слушайся нас во всем.

Ответственное поручение Катерину настроило на серьезный лад. Она закивала и посмотрела на меня.

— Уж позвольте и мне подключиться, — сказала с улыбкой Марина. — Конечно, я в расследованиях этих ничего не понимаю. Но за здоровьем-то Ангелины я посижу. Тем более что с завтрашнего дня я на две недели в отпуск уйду. Осталось с прошлого года.

Я слушала-слушала этих пинкертонов да вдруг как зареву. Никак не ожидала, что все они так дружно бросятся мне на помощь.

— Да что это ты! — удивилась Марина.

А я ничего не говорю, только слезы текут сами собой. Нет у меня слов, чтоб выразить, как вдруг от сердца отлегло и потеплело на душе.

— Ничего,— заметила Лиза. — Это нервное. Пройдет.

Самодетельные сыщики Лиза и Саня еще раз заставили меня рассказать об обстоятельствах кражи. Лиза все записала, выспросила адреса и телефоны всех, кто имеет к этому делу хоть какое-то отношение, даже домашний телефон нашего директора Пал Саньча записала на всякий случай. Саня задавал наводящие вопросы как настоящий детектив. Катерине серьезный разговор быстро наскучил, она занялась игрой в куклы. Взрослая девица, а от этой привычки избавиться не может. Марина пошла на кухню мыть посуду. Чтобы осмыслить полученную информацию, двое новоявленных следователей устроили совещание, отослав и меня подальше. Но я прислушивалась к их словам.

— Поначалу есть смысл выдвигать любые версии. Самые невероятные, — глубоко задумавшись, говорила Лиза. — А что, если эта Зоя была в сговоре с Енсенем? Ведь он, кажется, звонил в музей. Вот они и могли договориться.

— Глупости, — возмутился Саня, который знал Зою и безусловно верил ей. — Они же не знакомы даже.

— А ты в этом уверен? — спросила Лиза. — Могли познакомиться.

Я, окончательно сбита с толку, пошла на кухню к Марине. Подруга вытерла посуду, села у стола, подпершись рукой, и грустно поглядела на меня.

— Знаешь что? — проговорила она озабоченно. — Тут определенно что-то нечисто. Я имею в виду этого немца, поклонника твоего.

— Во-первых, — возразила я, — он не немец, а норвежец, во-вторых, никакой он не поклонник, а просто знакомый, а в-третьих...

— Во-первых, во-вторых и в-третьих, ты подумай головой. Сколько ему лет?

— Не знаю, — пожала я плечами, — не спрашивала. Лет сорок пять-пятьдесят, наверное.

— А тебе сколько? Соображаешь?

Я понимала, куда клонит Марина. В душе я и сама с самого начала сомневалась, что понастоящему нравлюсь Енсену.

— Чтобы все было путем, нужно по себе березку ломать, — покачала головой Марина, а потом, вздохнув, сказала:

— Иностранец, да при деле и состоятельный

— слишком уж хороший вариант, чтобы все было на чистом сливочном масле. Вот мой Николай. Когда мы с ним познакомилась, он в школе милиции учился после армии. Парень как парень. Николаша-нидвораща. Физиономия курносая, на блин похожая, интеллектом не подпорченная. Руки, правда, у него из того места растут, но выпить он всегда был не дурак. Наш человек, словом. Я с самого начала знала, как с ним обходиться, чего от него ждать. А этот фрукт заморский — кадр непроверенный. Как ты думаешь, на что он клюнул? На какую такую приманку? На твою красоту неземную?

Рассуждения подруги не очень-то мне понравились. Я и сама не раз задавала себе тот же вопрос: что такого Енсен во мне увидел. Однако тут же отметала любые сомнения. Как что, а мой ум, а интеллигентность, а доброта душевная? Все это сияет и светится в моем облике таким нимбом, несмотря на мой дешевый свитер и вышедшую из моды юбку. Несмотря на мой лишний вес, близорукость, бледность, сутулость. Да разве такие мелочи имеют значение в сравнении с моим лучезарным внутренним обликом. К тому же и внешне в общем и целом я еще очень даже ничего. Мне никто не дает мои годы. Рядом с Енсенем я не только не выгляжу старой, но даже и за сверстников-то нас не примут. И иностранцы к тому же культура из вещей не делают, сами одеваются и выглядят просто, даже миллионеры. Не все из них придают большое значение внешнему виду. Серьезные люди на длинные женские ножки да свежие личики не засматриваются. Я собралась было все это выпалить единым духом, но Марина с легкой грустью возразила, словно вновь прочитала мои мысли:

— Ты, конечно, у нас и умница, и образованная, и все такое... Но представляешь, каким спросом пользуется в наших условиях сорокалетний состоятельный и приличный с виду иностранец, хоть норвежец, хоть грек? Поди, длинноногие всякие да молоденькие около твоего норвежца так и вьются стайками, словно мелкие рыбешки около кита. Любую выбирай. А тебе он что-то слишком уж дешево достается.

Я нахмурилась. А Марина, не щадя моего женского самолюбия, продолжала:

— Поясню на примере: приходишь ты в магазин и видишь песцовую шубу за тысячу рублей. Что ты подумаешь? Наверняка бракованная!

— Но это ж шуба! — проговорила я в недоумении.

— Вот именно. Всего лишь шуба. На зиму. А мужик — навсегда. Я лично не очень-то полагаюсь на подарки судьбы. Своего Николая сама воспитала. И как! Он перешел с водки на пиво, ковры мне по воскресеньям выбивает безропотно, на работе уже третье сокращение пережил и зарабатывает неплохо. Кем бы он без меня был? Представить страшно! Так что мой совет: ищи чего попроще, — отрезала Марина и спросила: — Чаю хочешь?

— Нет, — ответила я, отвернувшись демонстративно к стене, разглядывая календарь с остроглазой и длинноногой девицей, как раз такой, на какую вполне мог претендовать Енсен, по словам Марины.

Марина мне чаю все же налила и проговорила более мягко:

— Я это к чему? Кто знает, что за человек этот Енсен. Всякие ведь попадают. Да и за границей-то тоже не медом намазано. Я бы из наших палестин никуда бы не поехала, как бог свят, — сказала Марина почти ласково.

— Почему? — спросила я.

— Почему-почему, да по всему, — проворчала подруга, отхлебывая чай. — У них там, за границей, говорят, даже свеклы сырой не продают. Только вареную — для салатов. А я без борща не могу. Привыкла. Да мало ли. Вообще — привыкла. Ко всему. Худо ли, хорошо ли, а от добра добра не ищут.

Я готова была замахать руками, обидеться на подругу на веки вечные. При чем тут свекла? Какая могла быть задняя мысль у этого Енсена? Зачем я ему нужна, если не нравлюсь? Марина, вот телепатка, опять угадала, что я хочу сказать, и протянула:

— Вот интересно, этот норвежец поцеловал тебя хоть раз?

— Нет, — ответила я в растерянности.

— Вот и посуди сама. Зачем же он тебя тогда за город потащил ни с того ни с сего? Природой любоваться в сумерках? То-то же!

Марина ничего не сказала о пропавшей пелене, но имела в виду она именно это: между двумя событиями, моей неожиданной прогул-

кой с Енсеном и похищением бесценного шедевра, была связь. В моем сознании как на экране моментально промелькнули события той злосчастной пятницы. Я припомнила все: строгую манеру Енсена держаться, его редкую улыбку. Пожалуй, он улыбался только тогда, когда говорил о своем пристрастии к живописи и желании обосноваться где-нибудь в тихом местечке в собственном доме. Улыбка его то ли ироническая, то ли искренняя — не поймешь. Мне вдруг подумалось: «Что, если разговоры эти он вел просто так? А на уме у него было совсем другое?» Я припомнила весь маршрут нашей поездки по окружной дороге, место, где мы случайно остановились. Уж оно-то не было настолько живописным, чтобы им любоваться. Хилый ивняк на крутом речном берегу да труба химического завода за рекой.

Стоп! Почему мы остановились именно там? У Енсена зазвонил мобильник. О чем шла речь в коротком телефонном разговоре, вероятно деловом, я не поняла, кто звонил — он мне не сказал. Запомнились короткие отрывистые реплики Енсена: «Да... Нет... Как договорились... Да, действуйте». Вроде бы обычный разговор, но тон мне показался каким-то настороженным и отрывистым, а голос Енсена — приглушенным, словно он или его собеседник что-то недоговаривал.

— Ты хочешь сказать, что организатор похищения пелены — Енсен? — спросила я, а Марина вздохнула, пожав плечами.

Ответила не сразу:

— Я этого не говорила. Это ты сказала. Думай сама.

Потом она погрузилась и проговорила серьезно и озабоченно:

— А все же я бы, раз такое темное дело, рассказала следователю про Енсена. Все как есть. Кто его душу знает. Пусть компетентные товарищи посмотрят его на просвет, нет ли за ним каких сомнительных дел, кто он да откуда. Тебе это знать не помешает.

Лиза и Саня меж тем продолжали запальчиво обсуждать обстоятельства темного дела. Из отдельных их реплик я поняла, что у них сложился целый план расследования. Похоже, в ближайшие дни они ничем иным не будут заниматься. Доморощенные сыщики решили прощупать всех, кто может быть причастен к

краже: связи, алиби, возможные мотивы. На первом месте в их списке стояли Зоя Березина, попавшая под подозрение следователя Олехова в первую очередь, и Енсен, о котором пока следователь не знал ничего. Кроме рассуждений Лизы и Сани, слышалась колыбельная песенка про крошку Вилли Винки, которую пела кукле Катюшка по-английски, весьма сносно артикулируя трудные звуки.

Задребезжал телефонный звонок, Катюшка побежала к телефону. Через минуту она крикнула:

– Мама, тебя! Звонит Енсен.

– Что с вами? – спросил он, поздоровавшись. – У вас голос волнующийся.

– Взволнованный, – поправила я. – Со мной ничего особенного, просто немного поднялось давление.

– Я думал, что вы простудились. Тогда. Был сильный ветер. Как сейчас ваше здоровье?

Я ответила, что все нормально. Беспokoить себя обо мне не следует. Енсен немного помолчал, поблагодарил меня за приятно проведенное за городом время. Вся компания собралась у телефона и внимательно прислушивалась к разговору. Каждый уразумел, что звонит тот самый Енсен, о котором шла речь совсем недавно. Я делала знаки, чтобы все разошлись и дали мне возможность спокойно поговорить по телефону, но никто не ушел.

– Вы и в самом деле чувствуете себя хорошо? Вам ничего не надо? Лекарства или что-нибудь другое? – спросил Енсен.

– Нет-нет, – ответила я. – Конечно, не надо. Я ведь не болею. Просто отдохну немного в выходные, и все будет нормально.

– Никаких проблем? – уточнил Енсен.

Я на мгновение задумалась. Почему он спросил об этом? Может, до него дошли слухи о краже в музее? Всегда, когда появляется полиция, дело обрастает домыслами, предположениями. Огласки не избежать. Поколебавшись, я решила, что Енсен ничего не должен знать, тем более что следователь предупредил всех о том, чтоб мы помалкивали о ЧП в музее.

– Все хорошо, – ответила я коротко.

– И все же по вашему голосу, Ангелина Васильевна, я чувствую, что что-то произошло.

– Нет, просто у меня болит немного голова. Домашние заботы, хлопоты...

Последняя моя фраза прозвучала вяло и неубедительно, словно я просила Енсена оставить меня в покое. В ответ – смущенное молчание. Почему-то настроение некоторых людей я чувствую даже по телефону. Енсен, видимо, из их числа. Чтобы как-то скрасить неловкость, я с улыбкой сказала:

– Зовите меня просто Лина, без отчества. А то как-то очень уж официально получается.

– Лина, – повторил Енсен. – Какое простое имя у вас, оказывается. Оно на вас похоже. Я хотел сказать, вам оно подходит. А вы называйте меня Ларс. Почему-то вы меня вообще никак не называете.

– Хорошо, – ответила я.

– Я вам позвоню потом, – сказал Енсен. На этом разговор был закончен.

Все загудели, словно улей пчелиный:

– Что он сказал?

– Ничего, – ответила я как можно более безразличным тоном. – Интересовался, как я себя чувствую. Что же тут такого?

Лиза в раздумье спросила:

– Больше никаких вопросов он не задавал?

– Нет, спросил только, отчего я такая расстроенная, не случилось ли чего.

– Ясно, пытался выведать, что вам известно про кражу в музее, как идет расследование, не подозреваете ли вы его, – заключила Лиза.

Я ничего не возразила, очевидно, мысль о причастности Енсена к краже прочно засела в голове этой энергичной девицы. Так пусть она сама убедится, что ошибается. Лиза задавала массу вопросов об Енсене: где он работает, каково его полное имя, должность, откуда он приехал – словом, выспросила бы и чем болел Енсен в детстве, если бы мне это могло быть известно.

«По-видимому, пресловутое расследование будет вести Елизавета, а Саня будет у нее на подхвате», – сказала я себе.

В одном Лиза права: нужно как можно скорее найти истинных виновников преступления, а то все спишут на тех, кто обязан по должности хранить пелену: на меня да Зою.

– Завтра я наведаюсь в фирму, где работает этот Ларс Енсен, – решительно заявила Лиза, – попытаюсь с ним познакомиться.

– Под каким же соусом? – удивился Саня.

Лиза усмехнулась:

— Под горчичным. Как селедка, которую производит фирма «Нордфиш», которой заправляет господин Енсен, который положил глаз на Ангелину Васильевну. Может быть, не только на нее. Но и на «Успение Богородицы» тоже.

Я не выдержала:

— Какие основания у тебя, Лиза, так говорить? Ты не боишься бросить тень на честного человека?

— Этого бояться — воров не ловить, — парировала она. — Следствие покажет, кто чего стоит.

Лиза еще пошутукалась о чем-то с Саней, по-моему, отнюдь не о затеянном ими расследовании, и ушла, пообещав держать меня в курсе дела. Марина тоже заспешила домой: дела, дети, муж. Она сказала, что обязательно позвонит сегодня, а завтра забежит меня проведать, хотя бы на полчаса. Когда Саня запер за ней дверь, меня охватило неприятное чувство. Мне стало так беспокойно, так тоскливо на душе.

В наступившей вдруг тишине гулко тикали часы, полумрак за окном сгустился настолько, что на улице ничего нельзя было разглядеть. Фонарь у подъезда не горел. В окно стучал нудный осенний дождь. Завывал ветер. Очевидно, в пятницу был последний в году погожий осенний день. Вовсю властвовала настоящая серая и неприглядная осень.

Поздним вечером вновь раздался телефонный звонок. Звонила Зоя. Она говорила откуда-то с улицы, поэтому слышимость была ужасная.

— Господи, что еще случилось? — испугалась я.

— Все самое плохое уже случилось. Так что вы не волнуйтесь. Как вы? — сказала Зоя.

Я ответила, что чувствую себя нормально. Взволнованная Зоя говорила что-то о том, что она не виновата в краже, что пелена найдется. Утверждала, что ей-де известно, что надо предпринять.

— Зоя, — ответила я, — я ни минуты не сомневалась, что ты тут ни при чем. Все будет хорошо, не расстраивайся ты так. И не впутывайся в расследование. Будь осторожна.

— Я должна с вами посоветоваться, но, разумеется, не по телефону, — все так же громко говорила Зоя.

— Хорошо, — ответила я. — Заходи ко мне, поговорим.

Зоя задумалась на секунду:

— А удобно? Сейчас ведь уже поздно. Да и вы нездоровы.

— Хорошо, приходи завтра, — ответила я.

Зоя попрощалась и повесила трубку.

Я почувствовала, в каком смятении бедная девушка. Наверняка ей ничуть не легче, чем мне. Она не свалилась с давлением только потому, что помоложе меня. Саня строго велел мне идти спать. Как будто во сне я отдыхала от тяжелых мыслей и мрачных подозрений.

Нет, едва я задремала, мне приснился Енсен. Он смотрел прямо перед собой и спрашивал меня:

— А сколько это стоит?

То, что он рассматривал, таилось во мраке, но я знала точно, что это — «Успение Богородицы».

— Наверное, не меньше сотни тысяч долларов? — говорил Енсен, а сам поглядывал на меня с какой-то странной улыбкой.

Затем мне привиделась во сне плачущая Зоя. Она размазывала слезы по щекам и твердила:

— Это не я! Не я! Я ни в чем не виновата... Это...

Она уже хотела было назвать какое-то имя, но вдруг испуганно замолчала. А детектив Олехов спрашивал нас троих с характерным следовательским прищуром:

— Как так получилось, что бесценная вещь исчезла из наглухо запертого помещения?

Такие кошмары преследовали меня всю ночь. Ни логические размышления, ни мрачные сновидения — ничто не помогло мне приблизиться к разгадке странных событий ни на шаг. Только под утро, устав от переживания и кошмаров, я заснула наконец крепким сном без сновидений.

На другой день проснулась поздно. Оказалось, Саня подмешал мне вечером в чай снотворного, но оно начало действовать слишком поздно, и в результате я проспала почти до полудня. Зоя заходила ко мне утром, но Саня попросил ее меня не будить. Она и ушла ни с чем. Вновь нехорошее предчувствие зашевелилось в душе.

— Как она? — спросила я Саню. — Очень нервничает? Надо было все же меня разбудить.

— Ты не железная, — возразил Саня. — А Зоя скорее просто подавлена. Это нормально в такой ситуации. И, по-моему, она уже немного успокоилась, пришла в себя.

Я сказала сыну, что напрасно он так меня опекает. Вдруг да Зоя принесла какие-то новости.

Глава пятая

Однако и в понедельник новостей, к сожалению, не было никаких. Хотя все говорили наперебой о краже пелены, никто ничего не мог добавить к тому, что мне уже было хорошо известно. Музей гудел. Предположения высказывались самые невероятные, вплоть до возможности вмешательства сверхъестественных сил. То, что пелена пропала как бы сама по себе, таинственным образом, всем казалось совершенно необъяснимым. Это-то особенно угнетало. До обеда у нас в фонде под различными благовидными предложениями перебивались чуть ли не все сотрудники музея. Все удивлялись, охали и ахали, сочувствовали нам. В сотый раз Зоя повторяла, как и почему она обнаружила, что пелена пропала, в сотый раз пересматривала все стеллажи, полки и закутки в помещениях. Толку никакого.

Мы с Зоей не могли даже словом перемолвиться наедине. Она так и не объяснила, что, собственно, хотела мне сказать. Шепнула только:

— Я уверена, что пелена скоро найдется. Вот увидите!

Что ж, всем нам оставалось одно: надеяться на лучшее.

После обеда Пал Саныч собрал всех сотрудников в конференц-зале, где у нас обычно проводились собрания.

— Повод для нашего сегодняшнего совещания — экстренный. Можно сказать, небывалый. Все вы знаете, что за несчастье нас постигло. Пропажа «Успения Богородицы» — это вам не шутки, — сказал он. Директор пока предпочел не употреблять слово «кража».

Все понуро молчали. Мы с Зоей почувствовали себя под прицелом многих пристальных взглядов.

— Надо обсудить, во-первых, как такое могло случиться и, во-вторых, что же теперь делать? — продолжал Пал Саныч, как всегда внятно и размеренно. — Причина — и это бесспорно! — в халатности и безответственности хранителей фонда. Ангелина Васильевна, не распорядившись убрать пелену с видного места и не проследив за ее сохранностью, ушла на целый день с работы. Зоя же, как сама она утверждает, ушла вечером, оставив пелену на письменном столе. Это, голу-

бушки, никуда не годится. Полагаю, Ангелине Васильевне следует объявить выговор, а Зое — строгий выговор. А как иначе?

Я этого и ожидала. Но все же попыталась возразить:

— Нет, это несправедливо. Я считаю, что строгий выговор нужно объявить мне. А Зое — замечание. Ведь я отвечаю за фонд.

— Зоя и так уже заработала замечание в приказе в прошлом месяце за опоздания на работу, — сказал Пал Саныч. — Вы, Ангелина Васильевна, слишком добры когда не следует, покрываете свою коллегу.

— Зоя дальше всех живет, — сказала я, все согласно загудели, — как же ей не опаздывать, ведь транспорт работает по утрам ужасно. Кроме того, Зоя всегда задерживается на работе, когда нужно. Сидит допоздна.

Пал Саныч закивал:

— Вот-вот. Оправдания мы всегда найдем. Всем и всему.

Каждый понимал, что положение Зои становится очень шатким. Замечание и строгий выговор в приказе — чем не основание уволить человека при первой же возможности. А уж найти такую возможность Пал Саныч постарается. Серафима Петровна сидела, как обычно, по правую руку от директора с непроницаемым выражением лица. Наталия Николаевна, главный хранитель, вмешалась:

— Я считаю, что объявлять выговор, тем более строгий, несправедливо. Зоя соблюдает все инструкции, работает с фондом вдумчиво, аккуратно.

Я также похвалила Зою за добросовестность и трудолюбие. Заступился за нее и Сергей Наумыч, присутствовавший на собрании на правах своего человека в коллективе. Серафима Петровна задумалась, затем милостиво согласилась:

— Совершенно верно. Березиной достаточно объявить просто выговор. Тем более что по существующим правилам сначала выносятся замечание, потом — выговор и только потом — строгий выговор.

Замдиректора посмотрела на нас с Зоей так, словно она спасла нас от большой неприятности. Дескать, большего снисхождения не ждите. Будьте довольны, что дешево отделались.

Директор после секундного раздумья согласился с Серафимой Петровной:

— Что ж, так и решим. Приказ оформим позднее. Пока просьба: о происшествии никому из посторонних ни слова. Следствие идет. Будем надеяться, что в ближайшее время преступление будет раскрыто. Помните: чем меньше шума, тем успешнее расследование. Никаких интервью для печати, никаких досужих разговоров. — Тут он обернулся к Серафиме Петровне: — В Москву я сообщу сам. — Пал Саньч водрузил очки на нос, давая понять, что разговор окончен. Серафима Петровна строго сказала:

— Возвращайтесь к своим делам. Выставка в Москве и прочие мероприятия не отменяются.

Однако расходиться по рабочим местам народ не торопился.

— Следователю удалось что-нибудь выяснить? — спросил кто-то. — Какие существуют версии?

На этот вопрос ответила Серафима Петровна:

— Расследование идет своим ходом. Пока ничего точно не установлено. Результаты будут доведены до нашего сведения. Просьба оказывать следователю всяческое содействие, но вопросами не докучать.

— Что эти детективы! — вздохнул Сергей Наумч. — Они ведь тоже не всеведущи. Да и о версиях никто распространяться не будет.

— Честное слово, — вдруг воскликнула Зоя, — я все сделаю, чтобы вернуть пелену!

Я невольно вздрогнула. Зоя отнюдь не была экспансивной особой. Шевельнулась мысль: «Неужели ей известно больше, чем она говорит? Кого-то она подозревает? Кого? И какие основания для подозрений?» Никто кроме меня эмоциональному выкрику Зои не придавал значения, решили, наверное, что девчонка перенервничала из-за злосчастного выговора. Все с удрученным видом разбрелись по рабочим местам.

Работа в этот день просто-таки валилась из рук. Я видела, как Зоя пыталась сосредоточиться на чтении тематико-экспозиционного плана, но читала она без конца одну и ту же страницу.

— О чем ты думаешь? — спросила я ее.

— Да ясно о чем, — вздохнула Зоя, — про эту кражу.

— И какие у тебя соображения?

Зоя посмотрела на двери, прислушалась к шагам в коридоре и ответила, понизив голос:

— Да я не думаю, а знаю... Вернее, догадываюсь...

В это время открылась дверь и в фонде появилась следователь Олехов, а с ним две осанистые дамы, одна из областного комитета по культуре и туризму, другая — из мэрии. Я с визитершами встречалась на собраниях и презентациях, но не общалась с ними и по именам чиновных особ не знала. Обычно они обсуждали насущные вопросы с Пал Саньчем и Серафимой Петровной кулуарно. Последним на пороге появился мой старый знакомый Сергей Сергеич Ненароков, тот самый отставной сотрудник комитета, которому я жаловалась на несправедливость нашего начальства. Он тут же бросился ко мне:

— Здравствуйте, Линочка! Услышал, какое вас постигло несчастье. Не мог не поддержать вас морально в такой момент.

Дамы сочли необходимым поприветствовать всех присутствующих кивком. Мне также оставалось кивать, благодарить гостей за внимание и заботу. Зоя подала тетрадку, в которой все они расписались. Начальницы в сопровождении Сергея Сергеича прошли к столу, уселись где кому удобнее, одна из них обратилась к следователю:

— Есть какие-нибудь новости?

— Пока нет, — ответил он тихо и отозвал меня в сторону.

— Мое начальство настояло, чтобы я проинформировал обо всем ваше. Ваши руководительницы со мной увязались, хочется им, видите ли, увидеть место происшествия и поговорить со свидетелями.

Меж тем дамы выспрашивали Зою об обстоятельствах загадочного исчезновения пелены, та односложно и угрюмо отвечала на все вопросы отрицательно. Не заметила ли она чего подозрительного? Не появлялись ли посторонние в фонде в тот день? Нет, ничего и никого. Все было как всегда. При этом Зоя краснела и опускала глаза, как будто это ее обвиняли в преступлении.

Сергей Сергеич сокрушался:

— Кто бы мог подумать! Я обо всем только сегодня узнал. Ездил на дачу к приятелю. Да, знали, что взять... Какая беда!

Расспросам были подвергнуты и мы с Наумчем. Но что мы могли сказать, кроме того, что уже сообщили следователю? Удовлетворив любопытство, чиновницы и Сергей Сергеич ушли. Следом за ними поднялся с места и следователь.

— Так-таки вы ничего нового не вспомнили? —

спросил он нас на прощание. И посмотрел пристально сначала на Зою, потом — на меня. Зоя отвела взгляд, а я невольно опустила голову.

Очевидно, следователь — неплохой психолог. Он догадался-таки, что мне есть что скрывать. Неужели и у Зойки есть своя тайна? Божьим зрением я видела, что румянец, который можно приписать и волнению, и нездоровью, не сходит с ее лица.

— Я все сказала, — уверенно, но тихо ответила она и не отвела глаз от испытующего взгляда следователя.

Я промолчала, только пожала плечами. Дескать, вроде бы ничего важного не забыла.

Олехов еще раз в глубокой задумчивости обошел все помещения в фонде, постоял у письменного стола, уточнил, как именно лежала пелена, зачем-то несколько раз спустился и поднялся по лестнице.

Лестница, которая ведет на второй этаж, — в хранилище из небольшого вестибюля, выглядит примечательно. Каменные ступени ее стертые до такой степени, что, спускаясь по ним, всякий раз рискуешь поскользнуться. Массивные перила укреплены на витых чугунных столбиках, украшенных коваными завитками в виде лиан с листьями, напоминающими виноградные. За неровные края этих выступающих чугунных загогулин я постоянно цепляюсь юбкой. Несколько раз рвала подол. Следователь осмотрел нашу лестницу, зачем-то подержался за перила, потрогал чугунные опоры.

— На перилах столько отпечатков! — сказал он с сожалением. — Всяк за них хватается. Следы все затоптали. Проникнуть сюда можно только по этой лестнице...

Он с озабоченным видом постоял у двери и ушел, попросив нас, чтобы мы направили к нему для допроса нашу уборщицу Галину Петровну, как только она появится на работе.

— С вами мы тоже еще встретимся, — пообещал он мне и Зое на прощание.

Когда закрылась дверь за Олеховым, Зоя вздохнула с облегчением. Она хотела было что-то сказать, но я завела речь про расследование, начатое Саней и Лизой. Моя сотрудница слушала вполуха, только кивала. Даже не расспросила толком, кто такая эта незнакомая ей Лиза.

Раздался телефонный звонок. Зоя поспешно

взяла трубку. Разговор продолжался недолго. Зоя несколько раз сказала: «Да». Затем надолго замолчала и как-то глухо, с усилением ответила:

— Хорошо. Обещаю.

И после довольно продолжительной паузы пролепетала маловразумительные фразы:

— Да нет же, верю. Конечно, верю. Да, я знаю, что все будет хорошо. Я понимаю...

Вообще, разговор показался мне странным: непонятно о чем. Обычно Зойка, как и многие, имеет привычку, говоря по телефону, повторять в задумчивости последние слова собеседника и задавать уточняющие вопросы. Она не слишком находчива в беседе. На сей раз Зоя говорила тихо и односложно, так что содержание разговора для посторонних осталось совершенно непонятным. Положив трубку, она заметно помрачнела и безуспешно старалась скрыть волнение.

— Что-нибудь случилось? — невольно встревожилась я.

— Нет, ничего, — ответила Зоя не сразу. — Мне нужно срочно уйти.

— Вот видишь, а говоришь, что ничего не происходит, — озабоченно сказала я.

Зоя посмотрела на меня словно в нерешительности, посвящать меня или нет в свои проблемы, но потом напустила на себя спокойный вид:

— Так, обычные неурядицы. Небольшие. В личной жизни. Все уладится.

Зная Зойку, можно не сомневаться: если уж она не захочет поделиться своими заботами, никто ее не заставит. Ее не разговорить ни за что. Вызывать Зою на откровенность, коли она замкнется, бесполезно: отделается отговорками да обещанием рассказать обо всем потом. Уж очень она самостоятельная и гордая по натуре. Все свои неприятности на личном фронте Зоя переживала стоически, без жалоб и нытья. Есть такие люди, которые не выносят советов и сочувствия доброхотов. А печалиться и волноваться ей случалось: с кавалерами у нее что-то отношения то разлаживались, то возобновлялись. И очередной разрыв или размолвку Зоя переживала как катастрофу.

Разумеется, я отпустила Зою. Она убежала в мгновение ока, чуть не столкнувшись в дверях с Сергеем Наумычем.

— Куда так спешите, Зоенька? — поинтересовался он.

Зоя только рукой махнула в ответ и буркнула что-то вроде:

— Некогда. Потом расскажу.

Сергей Наумыч только развел руками:

— Ах, молодежь, молодежь. Что бы ни случилось — у молодых свои заботы. Поди, на свидание торопится.

Я сидела в глубокой задумчивости. Проговорила озабоченно:

— Знаете, Сергей Наумыч, пожалуй, только с вами можно посоветоваться, поговорить откровенно. Хорошо, что вы зашли.

Наш реставратор присел на стул рядом со мной, на лице его — внимание и сочувствие.

— Мне кажется, с Зоей что-то происходит, — начала я.

— Со всеми в двадцать лет, знаете ли, много чего происходит...

— Но это как-то связано с кражей пелены. Зоя сама мне сказала, что она что-то знает, вернее, кого-то подозревает... Следователю, я уверена, она рассказала далеко не все. И потом, все эти дни она такая взволнованная, неуравновешенная...

Сергей Наумыч грустно улыбнулся:

— Все мы теперь неуравновешенные. Не забывайте, что Зое повезло меньше других. Именно на нее все шишки валятся. Так уж получилось.

— Случайно? — спросила я.

— Ну, знаете, подозревать девочку это... это просто в голове не укладывается, — запротестовал Наумыч.

Я рассказала о том, что Зоя порывалась со мной поговорить по душам, поведала и о странном звонке, после которого она помчалась вдруг куда-то как на пожар.

— Никакой это не странный звонок, — возразил Наумыч. — Звонил ее так называемый друг, я уверен. Бедная девочка влюблена в какого-то бездушного и безмозглого пижона, который совсем ее не ценит. Захочет — позвонит. А надоест подружка — пропадает пропадом неизвестно где месяцами. Не понимает оболтус, что за клад ему достался. Старая история. А Зоя переживает, конечно, как это у вас, у девчонок, водится. И ничего с этим не поделаешь.

«Вероятно, это так. Жизнь же не сошла клином на этой непонятной краже», — подумала я и немного успокоилась, даже усмехнулась невольно:

— Вы, Сергей Наумыч, и меня к девчонкам причисляете?

— О да, — ответил он с улыбкой, — конечно. В каком-то смысле вы — девчонка. Чистая, наивная. Вы, Лина, и сами не подозреваете, сколько в вас девического, юного. Это внешне вы деловая дама, а в глубине души? А? Что там на дне? Да все самое лучшее — надежда, вера, любовь.

Очевидно, Сергей Наумыч взял такой полусутольный дружеский тон, чтобы как-то подержать и успокоить меня.

— Ах, если б не тридцать лет счастливого брака, ей-богу, увлекся бы вами, — воскликнул он. — Вы, как и Зоя, цены себе не знаете.

Мы пили кофе за тем самым столом, на котором лежала в пятницу пелена. Мысль о пелене не давала нам покоя. Разговор опять вернулся к Зое.

— Может быть, она поспешила к следователю, чтобы рассказать ему о чем-то важном, — предположила я.

— Зоя? — переспросил Сергей Наумыч. — Нет! Она знает обо всем происшедшем не больше нас с вами. Все это нервы. Все мы на нервах.

Мы заговорили о том, что теперь будет с выставкой. Чьи головы полетят из-за того, что исчезла пелена? Наверняка попадет нашему начальству. Впрочем, Пал Саньч отделается, скорее всего, внушением в дружеском чиновничьем кругу. Серафима Петровна тоже останется при своей должности. А нас с Зоей еще накажут примерно. Одним выговором тут не отделаться. Наумыч был настроен пессимистически. Он сомневался, что удастся быстро найти бесценный экспонат, хотя такие вещи, как пелена, конечно, так просто не пропадают. Рано или поздно они обнаруживаются в коллекциях или на аукционах. Но удастся ли вернуть в этом случае пелену в наш музей — большой вопрос.

Настроение у нас было самое подавленное. «Впору запить», — заявил Наумыч. Резкий телефонный звонок нарушил размеренное течение нашей доверительной беседы. Мне показалось, что и телефон-то на моем рабочем столе с некоторых пор стал звонить как набат. Я подняла трубку, предчувствуя недоброе, и услышала незнакомый мужской голос:

— Скажите, Ангелина Васильевна Одинцова у вас работала?

— Да, — ответила я. — Слушаю вас. Это я. Меня пока что не уволили.

— Это Ангелина Васильевна? — повторил непонятливый или тугой на ухо собеседник.

— Да, именно я.

Наумыч начал с интересом прислушиваться к разговору. На том конце провода вдруг озадаченно умолкли, а я уже с волнением ждала, что мне скажет этот незнакомый человек.

— Вас беспокоят из ГИБДД, старший лейтенант Местечкин, — отрекомендовался телефонный собеседник. — Видите ли, произошло ДТП...

Только неблагозвучных аббревиатур мне и не хватало: ГИБДД, ДТП. При чем тут это? Я вконец перестала соображать. Подумала: «Лучше всего успокоиться и ждать объяснений. Терпение, только терпение». Старший лейтенант Местечкин между тем продолжал густым баритоном с хрипотцой:

— ДТП это имело место почти на углу Садовой и Московского проспекта. Знаете, там еще проходной двор и подворотня...

Я ответила, что это место мне хорошо знакомо. Это не так далеко от моего дома. Старший лейтенант сообщил, что именно там, в проходном дворе, машиной сбита молодая женщина. Она погибла в результате наезда. При ней не было сумочки, а из документов был обнаружен только читательский билет областной научной библиотеки на мое имя. Билет нашли в кармане плаща. В билете, естественно, было указано, где я живу и работаю. Установить номера телефонов было делом одной минуты. Доблестные сотрудники ГИБДД сначала позвонили, как выяснилось, по моему домашнему номеру, потом — на работу. Услышав об этом, я закричала не своим голосом:

— Перезвоните мне через пять минут, — и бросила трубку.

Дозвониться по моему домашнему телефону было невозможно. Он был занят. Противные короткие гудки в трубке звучали как сигнал беды.

Просто оторопь меня взяла, когда я представила, что пришлось пережить бедным Сане и Катюшке, когда они вдруг услышали, что их мать лежит бездыханная на холодном асфальте у какой-то подворотни, перееханная машиной! Наконец-то мне удалось дозвониться Сане на мобильный. Он услышал мой голос, вздохнул, а через минуту я услышала в трубке непонятный звук: не то сдавленный Санин вопль, не то возглас невероятной радости.

— Господи! — опомнившись, проговорил мой

сын. — Ты сто лет жить будешь. Представляешь, какой-то идиот позвонил и сказал, что ты попала под машину. Судить надо за такие шуточки.

— Саня! — кричала я. — Вы не волнуйтесь! Со мной все в порядке! Как вы?

— Мы? — спросил Саня. — Что мы? Катюшка как услышала про эту чертову мнимую аварию, так и стоит с тех пор столбом.

— Срочно дай ей валерьянки, — крикнула я. — Я бегу домой.

Наумыч, слушая весь этот бред, просто бледнел на глазах.

— Что случилось? — спросил он.

Я наскоро попыталась объяснить что к чему.

— Пойдите, а как у кого-то в кармане мог оказаться читательский билет на ваше имя? — пожал он плечами.

Тут оторопела я. Зойка! Это она еще в прошлом месяце позаимствовала у меня читательский билет, чтоб позаниматься в выходные в читалке, и с тех пор, насколько мне помнится, не вернула его.

— Зоя, — проговорила я, уткнувшись лицом в ладони и леденея от ужасного предчувствия. — Неужели она?

Когда взгляд мой упал на Зоину сумку, забытую на стуле, сердце мое окончательно оборвалось.

Через пятнадцать минут я была дома. Кое-как успокоила своих. Катюшка еле-еле отошла от шока. Она не плакала, не кричала, а просто как-то автоматически, без интонаций повторяла мои слова:

— Да, я вижу. Жива. Все в порядке.

Только осознав вполне, что произошло, она затряслась как в ознобе и жалобно завывала:

— Ой, мамочка, ой, как же я испугалась. Ой, ужас какой.

Ее кое-как успокоил Саня, который не отходил от нее ни на шаг, хотя и сам был напуган до дрожи. А то бы пришлось вызывать скорую.

А через час я, Сергей Наумыч и следователь Олевых в морге опознали тело погибшей. Я с большим трудом заставила себя взглянуть на труп. Это действительно была Зоя! Ее светлосерый плащ, ее светлые пушистые волосы до плеч. Но лицо! Оно было совершенно разбито. Бедная девушка, как рассказал нам следователь, получила сильный удар сзади. Легковушка как раз, выехав из подворотни, на полной скорости мчалась в сторону Московского

проспекта. Машина не отвернула и не притор- мозила, наехала на Зою с ходу. Зоя, по-види- мому, толком не успела сообразить, что собственно произошло, как была сбита с ног, рухнула под колеса, вдобавок сильно удари- лась лицом о фонарный столб.

Я поначалу еще сомневалась. Думала, может быть, это какое-то невероятное совпадение, дьявольское стечение обстоятельств. Бывают же похожие люди. Олехов смотрел на труп внимательным глазом профессионала.

— Она как будто, — заметил он и обратился к нам с Сергеем Наумычем. — А какие-то осо- бые приметы у нее были?

— Да, — уверенно сказала я, — на правой ру- ке, на предплечье чуть выше локтя — родинка. Такой неопределенной овальной формы, до- вольно большая. Зоя из-за этого носила вещи с длинным рукавом.

Следователь бесцеремонно стащил с без- жизненного тела плащ, поднял рукав кофточ- ки. Выше локтя было родимое пятно, по фор- ме напоминающее небольшую кляксу.

Сомнений не было никаких: перед нами на цинковом столе в этом ужасном месте лежал труп Зои Березиной и никого другого.

Олехов строго посмотрел на меня, сказал почти безразлично:

— Не надо.

— Чего не надо? — спросила я.

— Не надо говорить, что совсем недавно, то- му назад каких-то несколько часов, девушка была жива. Охать, ахать тоже не надо. Все это без толку.

Следователь был потрясен и сам. Сбит с тол- ку. Мы отошли от страшного стола, покинули морг и продолжили беседу уже на улице.

Про себя я подумала, что Олехов вовсе не бесчувственный тип, каким он хочет казаться. Просто, может быть, впервые ему выпало рас- следовать столь сложное и необычное дело. Вот он и играет роль истого профессионала, выдавшего виды криминалиста.

Наумыч был ошарашен и подавлен не мень- ше, чем я. Я же просто-таки места себе не на- ходила от растерянности и ужаса. Не уклады- валось в голове, как это Зойка, которая любила клубничное варенье, что присылала ей из дома мама, считала деньги от получки до получки и переживала из-за контрольных и зачетов, наша

Зойка, за пять лет ставшая своей в доску в му- зее, вдруг так нелепо рассталась с жизнью.

Не верилось, что все кончено. Я по привыч- ке думала о своей подруге и сотруднице как о живой, все мне казалось, что в морге на столе лежал даже не кто-то другой, а просто какая- то кукла безжизненная.

— Ужасно, — проговорил наконец Сергей Наумыч. — Жуткая смерть. Даже глаза ей зак- рыть нельзя. Боже, как лицо разбито! За что же так бедную девочку? Кто? Почему?

— Лицо, — закурив, повторил следователь. — Да, лицо! Падая, она ударилась лицом о фо- нарь. Перелом шейного отдела позвоночника... Множественные травмы.. Шок. Потеря сознания. Значит, смерть не была ни страш- ной, ни мучительной.

Нет, бесчувственным этот господин Олехов, конечно же, не был.

— А еще это значит, — следователь затянулся сигаретой, — что в момент трагедии пострадав- шая, вернее погибшая, была на тротуаре. Да, она спокойно шла себе по тротуару, и вдруг сзади на нее налетела машина. На полной скорости.

Я невольно остановилась. Смысл ужасного предположения дошел до меня.

— Убийство? — спросила я.

Олехов пожал плечами, загасил сигарету:

— Вообще-то, я не курю. Бросил. Но в таких случаях, если не выпить и не закурить, как снять стресс?

— А у вас много было таких случаев? — поин- тересовался Наумыч.

— Нет. Можно сказать, совсем не было. Убий- ства ведь следственный комитет в основном расследует. Помяните мое слово, это дело тоже им передадут. Вообще-то говоря, я не имею права им заниматься. Связь между кражей в музее и дорожно-транспортным происшестви- ем не доказана. Пока что два эти дела не объе- единены в одно. Но, я чувствую, связь тут есть.

Я согласилась с Олеховым без спора. Расска- зала ему о странном поведении Зои в последние дни, о телефонном звонке, после которого она как угорелая куда-то понеслась. Следователь подробно расспрашивал меня и Сергея Наумыча не только о событиях этого дня, но и о самых мелких и, казалось, не относящихся к делу дета- лях, касающихся Зойкиных привычек, характе- ра, о ее знакомствах, друзьях, предпочтениях.

Мы дошли до автобусной остановки. Сергей Намыч сел на автобус и поехал домой. Следователь вызвался проводить меня до дома.

— Вам ведь известна некая Елизавета Трушкина? — спросил он, когда мы свернули за угол.

— Конечно, — ответила я. — Но откуда она известна вам?

— Эта крашенная сумасбродка явилась сегодня ко мне и, представьте, без обиняков заявила, что будет вести параллельное расследование кражи в музее. Она, видите ли, не может остаться в стороне, так как вы ей не чужой человек, и она докажет, что вы тут ни при чем. Так-то. Вы, дескать, кристально чисты, и подозревать вас нелепость.

Я улыбнулась: узнаю Лизу.

— Кем, интересно, это непричесанное стихийное бедствие вам приходится? — поинтересовался Олехов.

Я возразила:

— Лиза вовсе не крашенная. Она от природы такая. Яркая. Она, если вам угодно, моя будущая невестка. Надеюсь, что так.

— Поздравляю, — заметил Олехов. — Так вот передайте своей пока что не невестке, что дело принимает... опасный оборот. Совать в него нос не рекомендуется никому. Это я вполне серьезно.

Я вздохнула. Да, тут уж не до шуток.

— И вы тоже будьте максимально осторожны и внимательны. Мало ли что. И не советую ничего скрывать от следствия. Хуже будет.

Серьезный тон следователя заставил меня поежиться. За последние дни произошло столько всего, что я была в постоянном ознобе. Так и ждешь новых неприятностей. Не хватало еще, чтобы мне всерьез пришлось опасаться за свою жизнь, на что намекал Олехов.

Я ведь совершенно непричастна к краже пелены. Стало быть, Зоя, которую, как видно, убили, была причастна? Каким образом? И что она знала такого, из-за чего ее могли убить?

Ответа на эти вопросы, похоже, не было и у Сани с Лизой. Я нашла их дома в крайне возбужденном состоянии. Они обсуждали последние трагические события и, как ни странно, пришли к тому же выводу, что и следователь: мне действительно лучше не высовываться. Саня убеждал меня принять предложение Марины и на время скрыться от всех и всего в отделении неврозов. Все-таки психбольница —

это круглосуточное дежурство персонала, охрана. Спасаться от мнимой опасности в психушке я не видела никакого смысла.

Лиза мне рассказала о своей недавней встрече с Енсеном. Она, не теряя времени, явилась на фирму «Нордфиш» под видом рекламного агента, предварительно заручившись полномочиями в редакции одной из влиятельных газет. Лиза так ярко обрисовала блестящие перспективы сотрудничества фирмы с газетой, предложила такой нетрафаретный план рекламной кампании кильки и селедки, что ее пропустили к Енсену, который занимал на фирме солидную должность, связанную не только с рекламой и сбытом продукции, но и со многими другими производственными и хозяйственными делами. Обычно рекламным агентам вход далее отдела маркетинга заказан. Елизавета с жаром говорила о перспективах продвижения на рынок нового ассортимента рыбных консервов, показала Енсену образцы рекламных слоганов и модулей. Когда только она успела все это придумать! Она убедила Енсена, что основной упор фирме разумнее всего делать на рекламу продукции в печатных СМИ. Реклама в газете — это и дешевле и эффективнее, чем на телевидении и на радио. Уверена, Лиза была чудо как доказательна и красноречива. Иначе бы Енсен не потратил на разговор с ней ни минуты своего драгоценного рабочего времени. Итогом их общения стали деловые контакты фирмы и газеты, в перспективе — долгосрочное сотрудничество. Лизе удалось завести кое-какие знакомства в фирме. От сотрудников Енсена она узнала о его невозмутимости, деловитости и ответственности. Сослуживцы и подчиненные, по-видимому, относились к нему хорошо. Удалось ей также выяснить, просто из объявления на информационном стенде в коридоре, что в пятницу вечером состоялось совещание руководства фирмы. Как ей сказали, после совещания отмечали в дружеском кругу день рождения одного из сотрудников. На обоих этих сборищах Енсен присутствовал.

— У него алиби, — подвела итог Лиза. — Или он сознательно обеспечил себе алиби, крутясь на людях всю вторую половину дня в пятницу, почти до полуночи. Но впечатление этот Енсен производит и в самом деле хорошее.

— Стало быть, — заключил Саня, — твой визит на эту рыбную фирму был успешным.

Лиза отрицательно покачала головой:

— Вовсе нет. Я ведь хотела не просто присмотреться к Енсену, но и завязать с ним, так сказать, неформальные отношения, чтобы удобнее было проследить за его связями. Но он оказался довольно-таки мрачным типом. Поговорил о деле — и все. А я-то и глазки ему строила, и намекала на то, что не прочь встретиться в неофициальной обстановке. Все пропустил мимо ушей!

Саня, казалось, был огорчен всерьез. Он заявил, что был о Лизе лучшего мнения. Не думал, что она может флиртовать и кокетничать напрапалу в пропахшей рыбой конторе с первым попавшимся мрачным типом ради того, чтобы получить нужную информацию. Ни о каком запахе рыбы в офисе, где сделан евро-ремонт, стоит самая современная мебель и оборудование, речи быть не может. Да и Енсен не такой уж мрачный. Просто Саня впервые в жизни, насколько я могу судить, ревновал.

О встрече Лизы со следователем Олеховым я уже знала. Что ни говори, а девчонка она не промах. Взялась за дело лихо. Как знать, может быть, именно ей суждено нащупать ниточку в этом сложном расследовании. Похоже, что Саня, со всеми его амбициями и ревностью, у нее лишь на подхвате. Я пошла готовить ужин и слышала, как они совещались в комнате.

— Сейчас главное — нелепая смерть Зои под колесами, — доносился до меня голос Лизы. — Как это произошло? Завтра я поеду к хозяйке этой самой Зои Березиной, расспрошу подробно, а ты поищи свидетелей происшествия. Времени терять нельзя.

Лиза, как видно, окончательно взяла на себя инициативу в расследовании. Картошка на ужин сварилась. Я накрыла на стол на кухне. Все, кроме Катюшки, собрались ужинать. Она возилась с куклами.

— Катерина, иди есть, — позвала я. — Ужин стынет.

— Сейчас, — ответила она, — только дочку покормлю.

Она усадила куклу за стол, сделанный из обувной коробки, и поставила перед ней игрушечную тарелку.

Терпение мое быстро кончилось. Я убрала всю эту кукольную столовую и скомандовала:

— Марш ужинать!

Катюшка нехотя послушалась.

Тут я заметила крошечный кусок полосатой ворсистой ткани, который Катерина приспособила под салфетку для куклы.

— Откуда это? — спросила я.

— Нашла, — ответила Катюшка.

Пестрый, совсем крошечный лоскуток — синее с серым и коричневым — был, по видимому, вырван откуда-то, а не разрезан, и почти весь осыпался.

За ужином разговор опять зашел о моей безопасности. Лиза заявила, что в таких обстоятельствах лучшее для меня — это, по крайней мере, уйти в отпуск. Кроме того, поскольку ей не удалось установить контакт с Ларсом Енсенном, держать под постоянным присмотром этого норвежца придется мне. Подозрение с него отнюдь не снято.

Катюшка сказала совершенно не к месту:

— А знаете, где я его нашла?

— Кого? — спросила Лиза.

— Что, а не кого. Тот клочок.

— Какой клочок? — не поняла я.

— Ну, про который ты меня спрашивала.

— Когда?

— Да только что!

И Катерина, досадуя на мою беспамятность и непонятливость, принесла тот самый крошечный лоскуток пестрой шерстяной ткани, что служил подставкой для кукольной тарелки.

— Я его нашла в твоём фонде в пятницу. Около лестницы. Случайно заметила. Перчатка у меня упала, я нагнулась и подняла его вместе с перчаткой. Он под самой ступенькой лежал сбоку, вот его и незаметно было.

— Зачем ты его взяла? — спросила я.

— Думала, что пригодится.

Лиза повертела в руках этот обрывок.

— Считай, что пригодился, — заметила она, внимательно рассматривая ткань. — Смотрите-ка, вырвано откуда-то с усилием, да еще с каким. Видимо, кто-то за что-то здорово зацепился.

— За загогулину, — сказала я. — У нас в фонде на лестнице такие металлические загогулины, порвать юбку ничего не стоит.

— Так, — сосредоточенно рассматривая лоскуток, проговорила Лиза. — Есть у кого-либо

из сотрудниц вашего музея юбки из такой ткани?

Она протянула мне лоскуток. Я еще раз внимательно изучила его со всех сторон и решительно заявила:

– Нет. Я не видела, во всяком случае, похожих юбок. Пойдите-ка, кажется, у Енсена клетчатый шарф такой же расцветки.

Саня в раздумье хмыкнул:

– Да, но лоскуток-то, как ты говоришь, от юбки, а не от шарфа. И, кроме того, Енсен, если верить Лизе, просто не мог по времени в пятницу побывать в музее.

Все погрузились в размышления. Катюшка явно ждала похвалы за то, что она не сплеховала, сумела разглядеть и подобрать важную улику.

Саня сказал ей:

– Мы, конечно, этот обрывок конфискуем. Пригодится он или нет – там посмотрим.

Катюшка надулась на брата. Лиза принялась расхваливать ее наблюдательность да сообразительность и между делом выспросила, где именно был обнаружен лоскуток, как он лежал. Елизавета пообещала пойти ко мне в фонд, чтобы сориентироваться на месте.

– А следователю мы расскажем про этот лоскуток? – спросила Катерина.

– Да, непременно. И это сделаю я, – заявила Лиза. – Есть повод для того, чтобы мне встретиться с этим Олеховым снова, не правда ли? Я ему скажу, насколько удалось продвинуться в расследовании нам, а он поделится своей информацией. Глупо делать одну и ту же работу дважды.

– Ты думаешь, поделится? – спросила я весьма скептически.

– Да, – уверенно заявила Лиза. – Ведь он уже понял, что я не последняя спица в колеснице и могу быть ему очень даже полезна. Человек он, слава богу, неглупый.

Время, между тем, было позднее. Все остальные дела волей-неволей пришлось отложить на завтра. Я опасалась одного: в этой суматохе Саня и Лиза завалят сессию. Не до книг и конспектов им теперь. На это умница Лиза ответила:

– Главному в университетах не учат. Есть вещи, которым можно научиться только у жизни.

Глава шестая

Я все больше убеждалась в том, что моему сыну на жизненном пути повстречалась девушка не только энергичная и расторопная, но и разумная. Лиза взялась за дело смело и споровисто. Она и мне дала немало указаний. Это были именно указания, а не просьбы и не советы. Прежде всего она распорядилась, чтобы я запомнила, кто будет звонить Зое, кто как отреагирует на известие о ее гибели. О Зое на другой день никто не справлялся. Но дурные вести не сидят на месте. Подруги Зои по университету узнали о ее несчастной участи от следователей. Две девушки пришли в музей спросить о дне похорон и выразить соболезнование.

В коллективе между тем вздыхали и ахали, долго решали, кому звонить Зоиной маме, чтобы сообщить о трагедии. По общему мнению, позвонить должна Серафима Петровна как руководитель. На ее долю и выпало вести тяжелый разговор. Пал Саныч сразу же попросил уволить его от этого. Он-де не выносит женских истерик и слез. Я тоже ни за что не могла бы себя заставить сообщить Зоиной маме ужасную весть.

Разумеется, ходили разные толки о смерти бедной девушки. Говорили, что дело тут нечисто. Наверняка Зою убрали, чтоб она не проговорила о чем-то важном, что могло бы навести полицию на след похитителя пелены. Поскольку не все относились к директору с должным почтением, иные припомнили ему злосчастный выговор, объявленный Зое. Говорили, что выговор этот теперь, стало быть, посмертный. А посмертными бывают только награды.

По поручению Лизы я позвонила Енсону, чтоб осторожно разузнать, известно ли ему что-либо о последних страшных событиях. Я не застала его на месте. Енсен перезвонил мне вскоре:

– Я правильно догадался, что вы мне звонили? Что-то случилось? – спросил он.

– Случилось. – Я на минуту задумалась: неужели Енсону что-то известно о краже пелены и гибели Зои?

Но он продолжал совершенно спокойным тоном:

– Что же именно?

– В двух словах не рассказать, – тянула я.

– Хорошо, давайте не в двух словах, а подроб-

но. Вы ведь работаете до шести? Вот и встретимся после работы на том же месте.

Моя встреча с Енсеном не входила в Лизин план следственных мероприятий. Но я не стала ей сообщать о том, что он пригласил меня на свидание. Впрочем, свидание ли? Может, и он что-то затевает, если причастен к трагическим происшествиям? Нет, втолковывала я себе самой, Енсен не вор и тем более не убийца. Этого просто не может быть!

Мы встретились под нудным осенним дождем. Енсен на этот раз был без машины.

— Что-то случилось с тормозами, — пояснил он, — пришлось автомобиль отдать в ремонт. Гулять в такую погоду — плохая идея.

Я согласилась. Он пожал плечами:

— Уж извините, но поблизости нет приличного заведения, чтоб угостить вас кофе. Вы ведь должны согреться. Позвольте пригласить вас к себе.

Я взглянула на него с удивлением. Вот уж не ожидала такой прыти.

— Не домой, — уточнил Енсен. — Впрочем, у меня здесь дома нет. Мой офис неподалеку. Там уютно и есть кофе.

Мы направились в арендованную концерном «Нордфиш» контору, которая размещалась в особнячке неподалеку, на престижной пешеходной улице. Там, в холле второго этажа, где размещались кабинеты руководства компании, Енсена в том числе, стояли удобный диван, кожаные кресла, работал телевизор. Было действительно уютно. Чтобы обстановка казалась не казенной, в углу у окна стояли аквариум с разноцветными рыбками, напольная ваза, явно дорогая, с причудливыми ветками и засушенными растениями, на столике журчал маленький фонтанчик в виде водяной мельницы, подсвеченный синевато-фиолетовым фонариком снизу. Из телевизора звучала приглушенно музыка.

— Присядьте, — Енсен повесил мое пальто на вешалку и указал мне на кресло, — я сейчас распоряжусь насчет кофе.

— Так что же, как говорят по-русски, стряслось? — спросил он.

Я, опустившись в кресло, поведала, что в тот самый день, когда мы гуляли за городом, из фонда пропала та самая пелена, которая ему так понравилась.

— Бог мой! — воскликнул Енсен. — Ведь это вы

отвечаете за пелену! Могу себе представить, какие у вас неприятности.

— Нет, не можете, — ответила я. — Вы не хранитель. Когда такое происходит, хранителю, вопреки презумпции невинности, приходится доказывать, что он к этому непричастен.

— Ужасно неприятно, — Енсен понимающе покачал головой.

— Нет, просто ужасно, — вздохнула я.

Что объяснять? Я без этой вещи, которую знаю до последней ниточки, до стежка, вроде и не я вовсе. Я чувствовала такую досаду и растерянность, словно неизвестный похититель лично меня обокрал. Нет, даже не обокрал, а обездолил. Грубо вырвал не из рук — из души что-то бесконечно важное, бесценное. И при этом меня же еще и подозревают теперь в такой низости! Разве объяснишь это малознакомому человеку, тем более иностранцу? Енсен и в русском-то, как мне кажется, не настолько силен, чтобы правильно понять отвлеченную лексику.

— И что же? — спросил он. — Что-нибудь удалось выяснить?

Я махнула рукой. Сказала, что положение не только не прояснилось, но осложнилось и запугалось еще больше. Рассказала и о трагической гибели Зои. Енсен это известие воспринял прямо-таки со страхом.

— Постойте, — сказал он. — Пожалуйста, об этом подробнее.

Я ответила, что о подробностях гибели девушки под колесами авто мне и самой мало известно.

— Вы не понимаете. Похоже, что тут действуют преступники, как это у вас говорят... самые плохие.

— Матерые, закоренелые, — подсказала я.

— Вот именно. Очень вероятно, что этот... — Енсен замялся, подыскивая слово, — этот случай на дороге...

— В безлюдном месте, — подсказала я, — в сумерках.

— Именно! Должно быть, это все не случайно.

Енсен вновь погрузился в задумчивость. Погрустнел. Встал с места и, забрав чашечки из-под кофе, пошел за новой порцией бодрящего напитка.

— Вам принести еще кофе? Наш офис-менеджер Наталья Павловна готовит отменный кофе, — сказал он.

Я отрицательно покачала головой. Через мину-

ту Енсен вернулся без чашек, сел рядом со мной, придвинув кресло, и, помолчав, сказал:

– Кто-нибудь мог бы некоторое время вести ваш дом, присматривать за вашими детьми?

– Почему это должен делать кто-то другой, а не я? – удивилась такому повороту в разговоре.

– Потому что вы немедленно, – Енсен подчеркнул, – немедленно берете расчет или отпуск и мы с вами едем отсюда. Я тоже могу потребовать отпуск.

– Куда же мы едем? – поразилась я еще больше.

– Куда-нибудь. Подальше отсюда. Пусть эту пелену ищут без вашего участия. Иначе вы не будете себя чувствовать в безопасности. Поймите меня правильно, я ничего вам не предлагаю, кроме покоя и безопасности. Когда все выяснится, вы сможете вернуться к вашей работе. Пока же, поверьте мне, так будет лучше.

Представляю, какой у меня был тогда глупый ошарашенный вид. Дурочка с мороза, да и только. Я не могла сначала поверить, что Енсен говорит серьезно, но он меня уверял в чистоте своих помыслов и намерений. Говорил о том, что ни он, ни я не представляем себе, какая опасность может мне угрожать, но благоразумия ради лучше эту опасность преувеличить, чем вовсе пренебречь ею. Не сразу я убедила Ларса – этот дружеский порыв так расположил меня к нему, что я стала называть его по имени – в невозможности моего бегства. Ни о каком отпуске, а тем более расчете в такой момент и речи быть не может. Да и стоит полиции только предположить, что я собираюсь ускользнуть из-под следствия, как тут же мне закроет все пути подписка о невыезде. Да если б и была возможность бежать, я бы осталась.

Ларс стал вдруг непроницаемо серьезным:

– Проблемы с полицией можно всегда уладить. Все дело в том, что вы не хотите принять от меня помощь.

– Нет, – уверенно ответила я, – я бы не приняла ее ни от кого.

– Чего же вы тогда от меня хотите? И что тогда делать? – Ларс развел руками.

По-видимому, этот жест означал, что напрасно я завела такой разговор, если не нуждаюсь в его заботе. Он все же взял с меня слово, что я буду информировать его о том, как идут дела с расследованием, и если понадобятся поддержка и участие, то я обращусь к нему непременно. А о поездке еще подумаю.

На тот вечер у меня была запланирована еще одна встреча. С Лизой. Мы договорились с ней поехать вместе к квартирной хозяйке Зои, побывать там, где жила бедная девушка. Я у нее на квартире не была никогда. Да и адреса точного не знала. Выяснила его в отделе кадров.

Многоэтажка, где жила Зоя, была в спальном районе, не ближний свет. Добираться пришлось на автобусе с пересадкой. Дорога в один конец – минут сорок, не меньше, и то – если не ждать транспорт. Условившись с Лизой по телефону, я ждала ее на автобусной остановке.

Идея отправиться по Зойкиным следам вдвоем мне не слишком-то понравилась, но Лиза меня убедила, что так будет лучше: все же я Зое не совсем чужой человек, начальница. Возможно, старушка, сдававшая Зое угол, со мной будет более разговорчивой, чем с Лизой. Кроме того, Лиза-то Зою раньше и в глаза не видела, судила о ней лишь с моих слов. Представься она Зоиной сослуживицей или знакомой – бабуся ее разоблачит, и тогда уж разговаривать со старушкой бесполезно. Доверие в ее глазах Лиза утратит раз и навсегда. Эти доводы, что ни говори, мне показались основательными, загадка безвременной и нелепой смерти Зои меня мучила и днем, и ночью.

Лиза примчалась к остановке, как всегда, на всех парах. Я еще издали узнала ее по легкой, как бы летящей походке.

– Извините, – проговорила она на бегу, – засиделась в библиотеке. Завтра семинар по зарубежной литературе.

Подошел автобус. Мы заняли места на заднем сиденье.

– Что читала? – спросила я.

– Вольтера, – ответила Лиза.

Я засмеялась:

– Знаешь, я всю жизнь мечтала о том, чтобы у моего сына была умная невеста, которая зачитывалась бы Вольтером.

– А я всегда хотела иметь такую свекровь, которая бы не разделяла общего мнения о том, что ум в женщине – не главное, – в тон мне ответила Лиза.

– Ты-то думаешь, что ум – это главное? – спросила я.

Лиза сказала не задумываясь:

– Да, конечно. Умная женщина, по крайней мере, не будет действовать во вред себе. Вот эта

Зоя, похоже, совершила ужасную глупость, за это и поплатилась.

Пока мы ехали, я рассказала Лизе о разговоре с Ларсом Енсенем. То, что он чуть не увез меня за тридевять земель, спасая от гипотетической опасности, ее удивило.

— Люблю, когда мужики долго не рассусоливают, а действуют, — сказала Лиза, — ведь он мог бы сказать: «Моя хата с краю, я ничего не знаю».

— Не мог бы, — возразила я, — он не настолько знает русские идиомы.

Лиза замолкла, приняла сосредоточенный и немного нахохленный вид: ей было зябко в тряском автобусе.

— Все же вы этого норвежца из поля зрения не выпускайте, — сказала она. — И зря вы по простоте душевной ему выложили столько информации. Нужно было его лишь слегка заинтересовать, чтобы у него появился стимул продолжать с вами отношения.

Возразить было нечего.

— Хорошо, — пообещала я Лизе, — голову терять не буду, и бдительность прежде всего.

Лиза, взглянув на меня сочувственно, отвернулась к окну и хмыкнула. Затем она проговорила несколько растерянно:

— Да я же не говорю, что Енсен — главный виновник преступлений. Мне он даже нравится. Нет, правда, нравится. Рано делать выводы. А вы-то сами как к нему относитесь?

Я пожалала плечами. Мое отношение к Енсену, если честно, теплело от встречи к встрече. А что, если это просто иллюзия? Самообман? А вот моя настороженность по отношению к Лизе пропала окончательно. Коротая время за беседой, мы незаметно добрались до окраины, где раньше жила Зоя.

Нужный нам дом мы нашли далеко не сразу, несмотря на то, что нам довольно подробно объяснили, где он находится. Все девятиэтажки в округе были как инкубаторские птенцы — без отлички, одна серия. Мы бестолково крутились на одном месте, как раз неподалеку от нужного нам дома. Как на грех, на домах и номеров-то не было. Наконец-то женщина с коляской направила нас по нужному адресу. Зайдя в подъезд, я невольно поморщилась от кисло-ватого-гнилостного запаха, исходившего, казалось, не только из подвала и мусоропровода, но и от исписанных вдоль и поперек стен: дом

был построен довольно давно. Квартира, где раньше обитала Зоя, находилась на первом этаже. Слава богу, ведь лифт был отключен, а лампочки до пятого этажа вывернуты или разбиты. Мимо нас почти что в полной темноте прошмыгнула стайка хохочущих подростков. На наш звонок дверь открыла совсем еще не старая женщина плотного телосложения и невысокого роста в переднике, надетом поверх застиранного платья. Мы поздоровались.

Женщина, оглядев нас, ответила:

— Здравствуйте. Вам кого?

Цель нашего визита Лиза объяснила так: мы подруги Зои по работе. Пришли сообщить о дне ее похорон. Также нам поручено посмотреть в Зоиной записной книжке телефоны ее друзей и знакомых, кому следует сообщить о ее смерти. А то не по-людски получается. Похороны, а проводить человека придет людей со счету. Зоя этого не заслужила, она была хорошей и доброй девушкой. Наверняка многие вспоминают ее с любовью и нежностью.

Мне оставалось только молчать и кивать в такт размеренной Лизиной речи. Ее спокойный, как журчание ручейка, монолог как бы убаюкивал. Хозяйка тоже согласно кивала, поддакивала. Она отошла от двери, жестом пригласила нас войти. Лиза, едва войдя, развязала шарф и стянула шапку. Женщина подала нам домашние тапочки и предложила пройти в комнату. Квартирка была не просто однокомнатная — крошечная. В прихожей и на кухне не повернуться. Комнатенка чуть больше. В ней помещались только шкаф, стол и диван. За шифоньером, отгораживающим самый темный, дальний от окна и от входной двери уголок, по-видимому, стояла Зоина кровать и, возможно, тумбочка. Больше там ничего поместиться не могло. Таких клетушек-малосемеек по всему городу понастроено немало.

— Вот только записной книжки-то тут ее нет, — развела руками хозяйка. — Это я точно знаю. Полиция приходила. Все вещи Зоины перерыли. Чего искали — не ведаю. Да только ничего особенного не нашли. Из бумаг — лишь тетрадки со всякими записями учебными. Всему имуществу опись делали.

Она, видимо, тоже была искренне огорчена и подавлена смертью своей жилички.

Лиза вздохнула, оглядевшись:

— Ну что ж, извините за беспокойство. Мы пойдём. Спасибо вам, — затем она словно спохватилась: — Да мы ведь и представиться-то забыли. Извините, столько волнений, что просто из ума вон. Меня Лизой зовут, а это — Ангелина Васильевна.

Я чуть поклонилась.

— Как же, — проговорила хозяйка. — Слышала я от покойницы-то про вас, Ангелина Васильевна. А меня тетя Зина зовут.

Она пригласила нас на кухню, где уже свистел чайник. Зоину хозяйку величать Зинаидой Кирилловной, но она попросила, чтобы мы называли ее просто, без отчества.

— Меня все тетей Зиной зовут, — сказала она, — а я и не возражаю. До отчества да фамилии добираться, знаете, не всякому досуг.

Лиза пожала плечами:

— Молоды вы еще, чтобы быть всеобщей-то тетей.

— Молода или нет, а своих лет не скрываю. Зачем? На заводе во вредном цеху работала, все Зиной звали. Теперь вот на такую-то адову работу сил не стало, — тетя Зина вздохнула, поставила на стол вместо ожидаемого чаю квашеной капусты из холодильника, селедочки с лучком. Других разносолов, кроме вареной картошки, у нее не было. Из буфета она достала непечатую бутылку «Столичной».

Я сказала, что не пью из-за давления.

— Так ить и у меня тоже давление, — возразила тетя Зина. — А вот поллитру-то я все же купила, как узнала, что Зоя-то приказала долго жить. Помянуть надо. Как иначе? Я ведь вам звонить хотела. На Зоину работу то есть, чтоб, значит, на похороны-то прийти. Спасибо вам, не забыли.

Тетя Зина пригорюнилась. Мне стало стыдно перед ней: вспомнили-то о пожилой женщине только потому, что самим надо было выведать у нее подробности о Зойкиной жизни.

Лиза спросила:

— А следователи-то, что приходили, неужели ничего про похороны не сообщили?

— Нет, ничего. Не их это дело.

— А что они спрашивали? — выводывала Лиза.

Тетя Зина задумалась:

— Что спрашивали? Да все, почитай: как Зоя жила, с кем дружбу водила.

— А что вы ответили? — продолжала допытываться Лиза.

Тетя Зина пожала плечами, пригласила нас к столу:

— Вы садитесь. Нальем по стопочке за упокой души.

Мы уселись за маленьким столиком в тесной кухоньке, тете Зина налила нам водки, все лишь пригубили, не чокаясь.

— Пусть земля ей пухом будет, — вздохнула хозяйка, смахнув слезу, и предложила: — Вы закусывайте.

После паузы она сказала:

— Ничего я не сказала про Зою. Дескать, мне она не докладывалась, с кем время проводит, а сюда никого не водила. Я, мол, не мать ей. Она мне только постоялица. Уж больно мне не нравится, когда слова-то мои на бумагу записывают, к делу подшивают. Как знать, кто потом все это прочтет, что о покойнице-то подумают. Ей, конечно, всякие пересуды теперь нипочем, а все же... Так и ушел следователь ни с чем, если не считать бумаг Зоиных.

— Хороший она была человек, — проговорила я.

— Безобидный, — согласилась тетя Зина.

Лиза стала расспрашивать исподволь, с подходом, что же именно утаила от следователя тетя Зина. Та не сразу сказала, что очень уж Зоя переживала из-за злосчастной кражи в музее. Прямотаки осунулась вся за несколько-то дней. Видимо, неприятность вышла нешуточная.

— Она все твердила, что вас, Ангелина Васильевна, ужасно подвела. Поговорить с вами хотела о чем-то. Но ровно как боялась чего дёвка. Дверь в подъезде стукнет — вздрагивала. И, сдаётся мне, скрывала она что-то.

— Она вообще была не из болтливых, с откровенностями не лезла, — заметила я.

Тетя Зина заварила чай. К чаю нашлись карамель да сушки.

— Не обессудьте, подать-то больше нечего. Одна живу. Мне много ли надо? — сказала тетя Зина, а потом заметила с расстановкой: — Не из болтливых, говорите? Может быть. Только от меня-то она не таилась. За пять лет я узнала ее как облупленную. У меня ведь детей-то нет. Надорвалась смолоду на тяжелой работе — вот и осталась одна под старость. Трех мужей пережила, а детей не нажила.

Хозяйка разливала чай, речь ее журчала тихо и размеренно:

— Похоронила-то я одного, первого. Придавила его бревнами на нижнем складе. Второй поллучше меня нашел — бросил, от третьего сама ушла. Да пили все они трое. Так что я и не жалею: такая, видно, судьба. А вот то, что детей-внуков нет, это плохо. Тоскливо. Зоя мне поначалу помощница была. Я ведь дворничиха, зарплата сами знаете какая, так я дополнительно подрядилась еще и подъезды мыть. Жить-то надо. Из-за жилья и держусь за эту работу: квартира ведомственная. Мой благоверный, третий по счету, с жилплощади не съезжает, в отместку, надо думать. Порой давление, сердце зажимает. На инвалидность садиться не больно-то охота. Так Зоя за меня и снег сгребет, и лестницы помоет. Безответная она, говорю. И уважительная. Так и жили, то я ей денюжат подкину с зарплаты, то она мне поможет. Вдвоем-то все лучше. Я уж было думала про себя: «Вот и дочку мне бог послал».

Глаза тети Зины были на мокром месте, но она не заплакала — сдержалась. Я говорила о том, какая Зоя была замечательная, как здорово управлялась с работой, как ее все любили, а Лиза старалась осторожно выведать детали и подробности личной жизни Зои, чтобы найти зацепки. Тетя Зина рассказала все, что знала.

По жизни что Зине, что Зое не везло — да и только. Зоя была слишком уж доверчивой и бесхитростной. Еще когда сдавала вступительные экзамены в университет, она познакомилась с Олегом. Откуда этот Олег объявился и чем он занимается, тетя Зина не ведала. Мало ли чем сейчас народ занимается? Вроде у него был какой-то бизнес, кажется, он торговал чем-то: не то продуктами, не то лекарствами. Потом, по словам тети Зины, этот Олег прогорел, залез в крупные долги. Из-за любви-то своей бестолковой Зоя и недобрала нужной суммы баллов на вступительных экзаменах. Вместо того чтобы думать об учебе, она в облаках витала, по свиданиям бегала. Поначалу на седьмом небе была, а потом у них с Олегом все пошло наперекосяк. Расстались они, когда бизнес Олега вовсе расстроился. Прогорев, Олег уехал, не оставив Зое адреса и даже не предупредив ее.

— Я-то видела, чего он стоит, — заметила тетя Зина. — С самого начала говорила Зое: не пара он тебе. Да куда там! Бросил — ну, думаю, и слава богу. Коль прохиндей какой продинамит девку смолоду — в другой раз она умнее будет. Вперед

наука. Будет знать, кого опасаться. Да только Зоя шибко уж убивалась тогда. Письма все ждала или звонка от этого охламона. Кажинный божий день. Не верила никак, что он навсегда ее оставил. Про других парней и слушать не хотела. Очень уж ей этот хлыщ пал на душу.

— Бывает, — вздохнула Лиза.

— Бывает-то бывает, да не все же девки таковы. Погорюют, поубиваются да и в разум приходят. Живут себе и счастье свое находят. Уж я твердила Зое, чтоб она выбросила этого Олега из головы. В церкви за ее здоровье свечку ставила — ей все неймется. Ну, год прошел, нет как нет вестей от Олега. Она же все одна да одна. Разве так можно? Познакомилась было с одним хорошим парнем, в доме напротив живет. Моей подруги закадычной сын. Уж этот-то душа-человек всем взял: и лицом, и умом, скромный только очень. Василий звать. Так эту дуреху мне же уговаривать сколько времени пришлось, чтоб она с Василием-то в кино или на концерт пошла. Но, в конце концов, у них как будто дело сладилось. Я уж рада была! Однако ж зря надеялась. Зоя дала-таки ему от ворот поворот. Как отрезала! А мне говорит: «Не хочу, дескать, хорошего человека обманывать. Не люблю я его». Такая вот история.

История, однако, на этом не завершилась. Пропавшая душа Олег все же объявился года через два. Более того, дела его выправились. Он сумел убедить Зою, что, пока отсутствовал в городе, занимался исключительно торговлей и теперь все у них наладится. Зоя опять ему поверила и чуть было не летала от счастья, но недолго. Совершенно случайно выяснилось, что у Олега она не одна такая. Измены возлюбленного стали полной неожиданностью, как водится, только для Зои. Со стороны все его шуры-муры очень даже видны были.

Я подумала, что все это в характере Зои: она вообще обладала способностью наступать неоднократно на одни и те же грабли. Если у нее крали кошелек, торчащий из сумки, она не заботилась о том, чтоб в другой раз положить деньги подальше. И в результате вновь оказывалась без денег по вине трамвайных карманников.

Тетя Зина рассказала, что после скандала отношения Зои и Олега, кажется, был положен конец. Долгое время он не появлялся на ее горизонте. Со временем Зоя перестала упоминать имя своего неверного возлюбленного, с головой

ушла в работу и учебу. Совсем недавно в ее жизни появился Андрей, с которым она заочно училась на одном курсе в университете. Он работал в таможне и показался тете Зине человеком положительным, хотя видела его она лишь раз или два, да и то мельком.

— И что же Андрей? — спросила Лиза.

— Думаю, что он пока что не знает ничего о Зоинной смерти, — ответила тетя Зина. — А что он за человек? Да бог его душу знает. Из себя вроде видный.

Лиза наморщила лоб — сопоставляла полученные сведения. К счастью, тетя Зина знала фамилии всех, о ком рассказала. Лиза взяла всех на заметку. Она выспросила также имена, фамилии, телефоны Зоинных подруг, с которыми та поддерживала наиболее тесные отношения.

У тети Зины мы засиделись допоздна и даже не заметили. Автобуса пришлось ждать довольно долго. Погода портилась. Ветер становился пронизывающим. В автобусе кое-как удалось отогреться. Я с тоской вспомнила, что завтра рано на работу, досадовала на себя, что не позвонила домой. Саня и Катюшка, наверное, места себе от волнения не находят. Лиза решила проводить меня до дому, а заодно узнать, нет ли у Сани каких-нибудь новостей. Она сказала, кутаясь в воротник куртки:

— Чует мое сердце, раскопал он что-то. Ваш сын — парень не промах.

— Ты думаешь? — спросила я.

— Ну да, — кивнула Лиза. — Вы знаете, какой он дотошный и внимательный. А какой умный!

Саня нас встретил воплем:

— Где же вы шляется?

Бедный, на нем просто лица не было. А Катерина сидела с видом мумии на диване и бесстрастно глядела в пространство.

— Ты-то неужели не волновалась? — спросила я ее.

— Зачем? — ответила моя умная дочка. — Ведь это же совершенно бесполезно. Я просто сидела и ждала. Я же знала, что ты, мама, все равно придешь. И потом еще не так и поздно. Я подумала: вот подожду до десяти часов.

— А что тогда? — спросила Лиза.

— А тогда она стала бы выть басом, действуя мне на нервы, — раздраженно бросил Саня.

Я почувствовала себя последней свиньей. Все же позвонить домой нужно было непременно.

Саня накормил нас ужином, хотя мы и отказывались. Дежурное блюдо — «Богатырские» котлеты с рожками — было не раз подогрето, но вполне съедобно. Затем он расспросил нас о событиях этого беспокойного дня. Мы поведали с гордостью, что не сидели сложа руки. Катюшка, несмотря на поздний час, не собиралась идти спать. Расследование обстоятельств кражи пелены из музея и гибели Зои настолько ее захватило, что она слушала раскрыв рот. Отделаться от нее нечего было и думать.

— А я кое-что выяснил, — сказал Саня.

Мы с Лизой обратились в слух, а Катерина торжествующе выкрикнула:

— Да, и даже много чего! Я ему помогала. Правда-правда.

Саня рассказал, что он первым делом побывал на месте дорожно-транспортного происшествия. Катерина увязалась за ним.

Это место было расположено в глубине квартала. От центрального проспекта его отделяло массивное восьмизэтажное здание с подворотней, в котором размещались офисы и конторы. Через подворотню и с двух сторон проходного двора проезжали машины. Во дворе был расположен подземный кооперативный гараж.

Смерть, как утверждают медики, почти мгновенная, настигла Зою недалеко от подворотни. Несчастливая девушка и не подозревала, видимо, что на нее налетит на полном ходу машина. Зоя упала, ударившись о столб, причем с размаху, а машина тут же скрылась в сумерках. Стоял душливый городской туман. Видимость — ноль.

Логично предположить, что водитель просто-напросто поздно заметил Зою и не притормозил, а она не услышала шума машины. Со стороны проспекта постоянно слышен гул проезжающего транспорта и скрежет трамваев. Скорее всего, по заключению Сани, водитель сбил Зою по неосторожности, а потом, испугавшись, уехал. Машина в этом злополучном месте могла неожиданно появиться с трех сторон, но по трагическому стечению обстоятельств, а может быть, и нет, она промчалась так, что удар пришелся Зое в спину. Зоя и не заметила опасности.

Я покачала головой: не похоже, что Зою сбили просто по неосторожности. Того же мнения придерживалась и Лиза. Дальше все становилось еще интереснее и запутаннее. Саня, конечно, сообразил, что так просто по этой

дороге машины не ездят. В основном во двор заезжают автомобили, которые принадлежат жителям окрестных домов, или те машины, что стоят в гараже или во дворе. Сане и полиции не составило труда выяснить, что ни одна из этих машин не могла сбить Зою.

— Это были «Жигули», — сообщил Саня, — причем тормозами шофер не пользовался. Это ГИБДД установила по оставленному машиной следу. Так мне сказали те свидетели, что имели дело с полицией. Знаете, когда приезжает криминалистическая лаборатория, следователи, вокруг обычно толпится немало народу. Но вот что странно: полиции как будто не удалось найти непосредственных очевидцев гибели Зои. Гараж закрывает место происшествия от жилых домов, а с верхних этажей что можно разглядеть? Как на грех, в тот момент на дороге никого не было. Я поспрашивал было в офисах, расположенных в доме на проспекте, не видел ли кто, как было дело, но без толку. В иных конторах рабочий день к тому времени кончился и никого не было, в иных — окна выходят на другую сторону. Да и кому охота ввязываться в такое дело?

— Конечно, откровенничать с незнакомым человеком, когда речь идет о смерти, особенно никто не станет, — заметила, вздохнув, Лиза.

Тем не менее Саня нашел-таки свидетеля. Когда он и Катюшка, уже отчаявшись раздобыть какие-либо полезные сведения, пошли домой, они встретили человека в спортивной куртке и спортивных брюках, изрядно вытянутых на коленках, который прогуливал французского бульдога. Бульдог недоволено зарычал на Катерину: чем-то она ему не понравилась. Хозяин, разумеется, заверил, что собачка не кусается. Катерина, не будь глупа, восхитилась песиком (а может, это была и сука). Девчонка попросила разрешения погладить животину, расспросила между прочим, где живет собачка, в какое время она гуляет. Саня сообразил, что собачники обычно выводят своих питомцев во двор в одно и то же время. Он завел разговор о недавнем происшествии и погибшей девушке. И, представьте себе, оказывается, этот человек действительно гулял за гаражом с собакой в тот момент, когда погибла Зоя, и видел машину-убийцу с близкого расстояния. И это действительно были «Жигули». По словам свидетеля, серого цвета. Предположительно — металл.

Санин рассказ полностью подтвердил версию следствия. Машина действительно, сбив Зою, в мгновение ока умчалась прочь. Свидетель даже не понял, что же произошло, в первый момент, а ужаснувшись, побежал домой, чтобы вызвать скорую. К Зое, лежащей на асфальте, он и не подошел. Однако лифт не работал, жил же мужчина на девятом этаже. Пока он поднимался пешком, одышка и волнение начисто лишили его резвости, пока вытирал лапы своему бульдогу, ситуация изменилась. Он выглянул в окно и увидел, что вокруг пострадавшей девушки собралось уже несколько человек, минут через пять и полиция подъехала, затем подоспела скорая. Мужчина не был вполне уверен, погибла ли бедняжка или только тяжело травмирована, однако появление скорой его успокоило. Вмешательство собаководо-любителя в это дело, как он рассудил, оказалось совершенно излишним. Ни к чему ввязываться в криминальную историю, решил он. Себе дороже. В полицию свидетель не пошел. Если бы Саня и Катерина совершенно случайно не столкнулись с ним, ценные для следствия данные так и не стали бы известны больше никому.

Саня начал было убеждать собачника, что нужно помочь в расследовании, но тот вдруг чего-то испугался. Видимо, заподозрил в Сане замаскированного опера, заторопился, подзвал бульдога и ушел. Наверное, подобного типа вообще не удалось бы вызвать на откровенный разговор, если б не Катюшка. Про нее-то уж никто не подумает, что она из полиции. Да и следователи, как правило, с маленькими девчонками по дворам не ходят. Вот и потерял осторожность хозяин собачонки. Так что права Катерина: она здорово помогла нам всем. Обсуждая сведения, которые удалось добыть нам с Лизой из беседы с тетей Зиной, Саня проговаривал вполголоса новые для себя имена, чтобы их запомнить.

— Как ты сказала? — спросил он меня, споткнувшись на одном из имен Зоиных ухажеров. — Андрей Переяславцев? Откуда-то я о нем знаю. Слышал.

— Тетя Зина говорила, что он учится заочно в университете, работает в таможне, — сказала Лиза.

— Точно! — воскликнул Саня. — Я слышал это имя как-то от Николая, Марининого мужа. Он ведь тоже из таможни. Только теперь

уж не вспомнить точно, что Николай говорил об этом Андрее... Вспомнил! В прошлом году они вместе ездили на рыбалку.

Маринин Николай действительно работал в таможене. Стало быть, этот Андрей — его друг или, по крайней мере, хороший знакомый. Тесен мир! А стало быть, познакомиться с этим Андреем и присмотреться к нему не проблема. И сделать это нужно обязательно, ведь таможеня — выход за границу. Возможность переправить без проблем все что угодно за кордон у Андрея есть. Неужели таможенник причастен к краже пелены и убийству Зои?

— Машина-то у этого Андрея наверняка имеется, раз на рыбалку ездил, — заметила Лиза. — В таможене все они на личных авто.

И тут меня как обожгло: машина. Серые «Жигули». У Ларса Енсена именно такая марка. Причем серого цвета.

Я так и села, подперев щеку рукой. Ведь к тому же машина-то Ларса, как он сказал, в ремонте. Совпадение? Возможно. Даже, скорее всего, совпадение, уговаривала я себя. Ведь Ларс к Зое не имел никакого отношения. Разве есть сведения, что они хоть когда-то встречались? Нет таких сведений. Видимо, я изменилась в лице. Саня встревожился:

— Что? Опять давление?

— Нет, — ответила я, — просто разные глупые мысли лезут и лезут в голову. Наверное, устала.

Лиза восприняла мою жалобу как намек.

— И в самом деле, — сказала она, — уже очень поздно. Мне пора.

Саня запротестовал:

— Куда же ты пойдешь? Транспорт ходит плохо. Погода — хуже не придумаешь. Оставайся ночевать.

— Но Лизины родители, наверное, будут волноваться? — слегка растерявшись, промямлила я.

Мою растерянность понять можно: квартирка наша — двухкомнатная распашонка. В одной комнате живем мы с Катериной, в другой, большей, на диване спит Саня. Могла выручить нас раскладушка, но в нашей комнатенке две кровати, шкаф и письменный стол занимали все место. Не предлагать же госте спать на кухне? В конце концов, я решила уступить Лизе свою кровать, а самой ночевать в большой комнате. По крайней мере, Сане не придется по такому-то ненастью провожать гостью в полной темноте.

Лиза меня успокоила насчет родителей:

— Никто не будет волноваться. У меня только мама. В нашем классе у половины ребят была только мать. Где отцы — во многих случаях и неизвестно даже.

— Ты все же ей позвони, чтобы не тревожилась, — сказала я.

Лиза махнула беспечно рукой:

— А, да я еще в прошлом году ушла от матери.

— Зачем? — спросил Саня. Видимо, об отношениях Лизы с ее матерью он не был наслышан.

— Как зачем? — удивилась Лиза. — А самостоятельность?

— Конечно же, твоя мама тебя не понимала. У тебя с ней были конфликты, — я сказала это противно-ироничным взрослым тоном, заранее становясь на место незнакомой мне Лизиной мамы.

— Совсем нет, мама моя просто чудо, я ее обожаю. Я сказала: «Хочу жить одна». Она сказала: «Живи!» Она вообще мне всегда все разрешала, никогда ни в чем меня не ограничивала. «Лолиту» набоковскую я читала еще в седьмом классе, мама не думала запрещать.

Я поразилась, хотя и поверила. Заговорила уже мягче:

— Как же ты жила-то одна, девочка?

— Лучше всех. Сначала снимала квартиру вместе с друзьями. Мы там жили, как в шоу «Дом-2». Потом это надоело. Нашла себе тихий уголок, наподобие такого, как Зоя снимала. Только хозяйка попала в вредина. Этого не делай, того не приводи, свет по ночам гаси. Зануда. Я сейчас все больше в общаге живу. Нелегально.

Я и не стала фантазировать, что за дела и развлечения могли быть у оголтелой молодежной компании, живущей бестолковой коммуной. Расстроилась, конечно, ужасно. Самое поразительное, что Саня на эти Лизины откровения не отреагировал никак, словно это его и не касалось вовсе. А я подумала: «Бедная твоя мама, девочка. На ее месте я бы лупила тебя регулярно по субботам».

Лиза простодушно рассмеялась, глядя на мою серьезную и озабоченную физиономию:

— Да не берите вы все это в голову, — сквозь хихиканье проговорила она. — Это ж так, ошибки молодости. Теперь я изменилась в корне. Исправилась. Взрослая уже. Пора всерьез жизнь устроить.

Я ничего не ответила. Подумала, что таких, как Лиза, могила исправит. Катюшка слушала всю эту околесицу весьма внимательно и качала головой, словно знала Лизу сто лет. Саня же, как видно, доверял своей подружке слепо. Обсуждать события бурной Лизиной «молодости» в двенадцатом часу накануне рабочего дня было уж слишком. Я ужасно устала за этот день, казалось, приблизивший развязку запутанной истории, и перенервничала — сил нет. Глаза слипались. Остальные тоже были порядком утомлены. Я предложила Лизе свою кровать. Она запротестовала, сказала, что спит как убитая где угодно, хоть на полу.

— Да ты не волнуйся, мама, Лиза ляжет в большой комнате, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал Саня.

«Так, — сказала я себе, — спокойно. Вообще-то, ничего не происходит!» И принялась в уме считать до десяти. Но почему все, что рано или поздно должно случиться, случается неожиданно и совершенно некстати? Оставалось только тихо досадовать на Лизу, на Саню, на себя, на жизнь. Говорить о том, что Саня несовершеннолетний и, в сущности, он еще ребенок, было, конечно, глупо. Вообще, в таких случаях важнее всего подавить в себе первый порыв, биологическое материнское чувство.

Помнится, когда Саня был лет семи от роду, он впервые подрался во дворе, пришел домой с

разбитым носом, весь в крови. У меня внутри все похолодело. С трудом мне удалось допытаться, кто его так разукрасил. Оказалось, побил его сыночек нашей соседки по площадке, упитанный верзила года на три старше Сани. Первым моим порывом было бежать к этой соседке и как следует отчехвостить ее отпрыска. Саня едва упросил меня не делать этого. Тогда ведь еще существовал дворовый кодекс чести, даже для дошкольников. Быть побитым, как я поняла, неудача, а жаловаться маме — позор. Почему-то мне кажется, Саня до сих пор помнит эту историю и благодарен мне за то, что я не поддаюсь первому порыву. С тех пор я уже привыкла в сложные моменты оставлять сына в покое и полагаться на волю случая или на Санин здравый смысл. Но, честное слово, с упрямой и шумной Катериной мне всегда было много легче управиться, чем с ним.

Я постелила Лизе на раскладушке в большой комнате, Сане — на диване, уложила Катерину и рухнула в постель. На другой день предстояло немало дел и хлопот.

Окончание следует

Ирина Владимировна КОСОПАЛОВА

окончила Архангельский педагогический институт.

Работала библиотекарем, редактором в издательстве,

журналистом в областной газете «Правда Севера».

Живет в Архангельске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

